

Изъ области первобытного психонейроза.

Англійскій путешественникъ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, Коchrane (Cochrane), описалъ особый видъ психической болѣзни, заключающейся въ томъ, что одержимый ею, въ извѣстныхъ случаяхъ, подражаетъ движеніямъ окружающихъ. Онъ называлъ эту болѣзнь *i megia chisme*.

Название это, по комбинированію звуковъ, очень близко къ слову областного нарѣчія Якутскаго края эмерячить. Откуда ознакомился Коchrane какъ съ самою болѣзнию, такъ и съ ея якутскимъ названіемъ,—установить это я, лишенный возможности пользоваться всѣми необходимыми источниками, въ настоящее время не въ состояніи,

Сарычевъ и Врангель также упоминаютъ обѣ этой болѣзни среди якутовъ.

Черезъ очень большой промежутокъ времени (а именно: въ концѣ 60-хъ гг. того же столѣтія) д-ръ Кашина (Архивъ Судебной Медицины, 1868 г., кн. 2) описалъ случай, имѣвшій мѣсто въ Якутской области: солдаты, находившіеся въ строю, вдругъ стали повторять командныя слова, не приводя ихъ въ исполненіе, а когда командиръ началъ имъ дѣлать по этому поводу замѣчанія и разразился даже по ихъ адресу бранью, то солдаты повторяли эти бранныя слова. Д-ръ Кашина присоединилъ сюда также результаты своихъ наблюдений и надъ якутами и призналъ здѣсь *choreea imitatoria*.

Намъондъ въ 1884 г. описалъ особый видъ нейроза, назывъ его *miryachit'omъ*. Замѣтилъ, что на областномъ нарѣчіи Якутскаго края глаголь въ неопределенному наклоненіи, означающій болѣзненное подражаніе, читается еще и такъ: „импрѣчть“. Появленіе во „Врачѣ“ (1884 г., ном. 46) замѣтки по поводу работы Намъонда (при чемъ было указано, что описываемая болѣзнь встрѣчается въ Якутской области), побудило д-ра

Янковскаго описать („Русск. Бог.“, 1885 г., кн. 8) случай, который онъ наблюдалъ въ Забайкальѣ среди солдатъ,—случай, совершенно идентичный съ тѣмъ, который былъ описанъ въ свое время д-ромъ Кашинымъ.

Съ тѣхъ порь въ литературѣ появлялось не мало описаній болѣзни, сдѣланныхъ послѣ продолжительного наблюденія надъ якутами, — Рябковымъ, Сѣрошевскимъ, Шкловскимъ, Кономъ.

Другой циклъ явленій въ области разстройства функций нервной системы у якутовъ, сродный съ извѣстнымъ „кликушествомъ“, обращалъ на себя сравнительно меньше вниманія. Правда, о немъ заговоривали, когда шла рѣчь о шаманствѣ. Но специально онъ, если не ошибаюсь, не занималъ до сихъ порь изслѣдователей. Что касается „кликушства“ въ Якутской области, то о немъ писалъ д-ръ Држевицкій („Медико-топографія Усть-Сысольскаго уѣзда“, СПБ. 1872), назвавъ ее *choreae magna*,—затѣмъ, извѣстный изслѣдователь Сѣвера, Максимовъ („Годъ на Сѣверѣ“),—наконецъ, д-ръ Штейнбергъ („Кликушество и его судебнно-медицинское значеніе“ въ Арх. Суд. Медицины, 1870 г., ном. 2). Всѣ эти описанія относятся къ Европейскому Сѣверу. Въ самое послѣднее время прекрасныя страницы о кликушествѣ далъ С. А. Сухановъ въ монографіи „Истерический характеръ и истерическая проявленія“ („Клинич. монографіи“, 1911 г., кн. 3.; см. стр. 26—28). *)

I.

Прежде всего я постараюсь помочь разобраться въ самихъ понятіяхъ. Сюда относятся двѣ совершенно различныхъ, по внешнимъ симптомамъ, болѣзни. Одержимый одною изъ нихъ называется по якутски *бмурѣх*, одержимый другою—*майнарик*.

Майнарик иногда по недѣлямъ, мѣсяцамъ и даже годамъ не впадаютъ въ свое припадочное состояніе, послѣ чего опять

*) Сюда же можно отнести статью д-ра Якобія: „Религиозно-психическія эпидеміи. Извѣстия психіатрической экспертизы“ („Вѣсти. Европы“, 1903, кн. 10 и 11). Здесь есть интересныя соображенія объ истерикѣ и кликушествѣ у женщинъ.—На ту же тему есть материалы у С. В. Мартынова: „Печорскій край“. Ред.

можеть наступить періодъ припадковъ,—часто безъ воздѣйствія какой-либо виѣшней причины,—точно такъ же какъ виѣшнай причины, не всегда вызываютъ въ нихъ болѣзnenное состояніе. Периодически или спорадически, больные начинаютъ страдать,—съ ними бываютъ припадки, какъ это имѣть място по отношенію къ эпилепсіи, мигренямъ, сердечнымъ припадкамъ и т. п.

Наоборотъ: у ѡмурѣхъ не бываетъ періодовъ, когда они не проявляли бы симптомовъ болѣзни: болѣзnenное состояніе у нихъ можетъ быть вызвано въ каждый данный моментъ извѣстными причинами виѣшняго характера.

Омурѣхъ находится въ своемъ болѣзnenномъ состояніи нѣсколько секундъ и послѣ нормального состоянія можетъ впасть опять въ болѣзnenное состояніе на новыя нѣсколько секундъ. Манарикъ находится въ своемъ болѣзnenномъ состояніи нѣсколько минутъ,—нѣсколько часовъ,—иногда даже—въ теченіе болѣе сутокъ, послѣ чего долгое время испытываетъ чувство подавленности, слабости и т. д.—для того чтобы черезъ тотъ или другой промежутокъ времени опять впасть въ свое болѣзnenное состояніе.

Я не знаю случаевъ, чтобы ѡмурѣхи излѣчивались отъ своей болѣзни, болѣзнь поражаетъ ихъ съ дѣтства и медленно,—манарикъ заболѣваютъ и поправляются,—заболѣваютъ по большей части въ зрѣломъ возрастѣ, иногда—на старости лѣтъ.

Надо, однако, замѣтить, что если и есть ѡмурѣхи не одержимые манариромъ, то всѣ манарикъ въ сильной степени омурѣхи.

Манарикъ въ сравнительно немнога, ѡмурѣхъ очень много. Можно сказать, что почти всѣ женщины—поголовно ѡмурѣхи въ той или другой степени.

Отъ дѣйствій, характеризующихъ болѣзnenное состояніе, манарикъ не только не можетъ, но и не хочетъ воздержаться. Даже болѣе: эти дѣйствія не свободны отъ симуляціи и во всякомъ случаѣ въ этихъ дѣйствіяхъ больной обрѣтаетъ себѣ некоторое успокоеніе,—подобно тому какъ слезами облегчаютъ себѣ страданіе при жгучей боли.

Наоборотъ: ѡмурѣхи хотя и не могутъ, но, по большей части, страшно желаютъ воздержаться отъ дѣйствій, характеризующихъ ихъ болѣзnenное состояніе.

Такимъ образомъ, до извѣстной степени можно сказать, что дѣйствія манарикъ носятъ на себѣ характеръ активности, дѣйствія же ѡмурѣхъ—характеръ пассивности.

Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ослабленіемъ воли субъекта. Но манарикъ при этомъ не идетъ дальше того, что ему предуказывается гиперэстезіей по отношенію къ другимъ его чувствованіямъ и ненормальностямъ міра идей,—между тѣмъ какъ ѡмурѣхъ можетъ рабски выполнять то, что ему диктуютъ явленія виѣшняго мира: онъ не только не дѣлаетъ того, что считаетъ нужнымъ дѣлать, но и дѣлаетъ то, что считаетъ ненужнымъ.

Благодаря этому, если въ случаяхъ сильного развитія болѣзни (припадокъ можетъ продолжаться болѣе сутокъ,—припадки ча-стотою своего наступленія могутъ въ конецъ измѣнить болѣнаго) видъ болѣнаго манарикъ производить весьма тяжелое, даже гнетущее впечатлѣніе, то ѡмурѣхъ не гарантированъ отъ серіозныхъ послѣдствій своего болѣзnenного состоянія,—окружающіе также не всегда могутъ чувствовать себя въ безопасности въ присутствіи ѡмурѣхъ. Въ литературѣ отмѣчены случаи, когда мужчины заставляли женщины—омурѣхъ входить съ ними въ половую связь (д-ръ Кашинъ). Я былъ свидѣтелемъ того, какъ женщина, одержимая описываемою болѣзнью, едва не убила своего грудного ребенка, такъ какъ намѣревалась бросить его въ приведшаго ее въ изстушеніе человѣка, а затѣмъ—схватались за топоръ.

Какъ характеризующіяся времененнымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ ослабленіемъ воли, оба вида болѣзни близко соприкасаются съ гипнотическимъ состояніемъ. Особенно близко родство между состояніемъ ѡмурѣхъ и гипнотическимъ состояніемъ. Поясню это примѣрами.

Представимъ себѣ субъекта въ гипнотическомъ состояніи. Къ нему подходитъ экспериментаторъ и говоритъ: „въ стадѣ рогатаго скота, которое насы окружаетъ, есть прекрасные экземпляры“.—Загипнотизированый начинаетъ осматриваться кругомъ, какъ бы останавливалъ свой взоръ на томъ или другомъ экземпляре скота. — „Не замѣчаете ли вы“, — продолжаетъ экспериментаторъ, — „что вонъ тутъ быкъ какъ будто забезпокоился?“— Взглядъ экспериментируемаго фиксируется на одной точкѣ. Экспе-

риментаторъ продолжаетъ, постепенно повышая голосъ: „смотри-те, этотъ быкъ направляется къ вамъ... Онъ стремительно несетъся на васъ... Рога его уже касаются вашей одежды...“—И, по мѣрѣ того, какъ все это произносится, экспериментируемый послѣдовательно—дѣлаетъ шагъ назадъ, хватаетъ первую попавшуюся подъ руки вещь для защиты и, наконецъ, симулируетъ процессъ борьбы съ разсвирѣпѣвшимъ животнымъ.—„Однако“,—произносить экспериментаторъ, мгновенно мынья тонъ,—„это—не быкъ, а просто—собачка-щенокъ“.—Загипнотизированный моментально успокаивается и начинаетъ ласкать предполагаемаго щенка.

Поставимъ на мѣсто загипнотизированнаго европейца—субъекта изъ якутской среды,—омурѣхъ. Находясь въ совершенно нормальномъ для себя состояніи, онъ входитъ ко мнѣ въ юрту и вступаетъ со мной въ разговоръ обыденного характера. Онъ ведеть себя, какъ совершенно нормальный человѣкъ. Въ это время моя работница неожиданно восклицаетъ: *ихъ, нашъ домъ наполнился скотомъ!*—вонъ—быкъ, вонъ—корова..“ выкрикиваетъ больной, беспокойно озираясь вокругъ себя и тыча пальцемъ то въ одномъ, то въ другомъ направлениі. Но черезъ секунду, какъ бы самъ себя успокоивая или желая показать, что онъ не такъ сильно поддался внушенію, больной продолжаетъ болѣе спокойнымъ тономъ: „скотъ,—говорить она... А это все—табуретки, горшки, столы“.—Но доморощенный якутскій экспериментаторъ,—для которого вся эта исторія играетъ роль развлечениія и забавы,—не унимается.—„Вонъ тотъ бѣлый бычина съ бѣлымъ пятномъ на лбу играетъ“,—выкрикиваетъ моя работница.—„Играетъ“,—повторяетъ больной, подражая, на сколько это возможно для человѣка, движеніямъ прыгающаго животнаго,—„черный быкъ съ бѣлымъ пятномъ на лбу играетъ“.—„Смотри: онъ несетъся на тебя,—хочетъ тебя забодать“.—„Онъ несетъся“,—выкрикиваетъ больной,—„а вотъ я его палкой“.—Несчастный хватаетъ первое попавшее подъ руки полѣно и кидаетъ его въ направлениі предполагаемаго животнаго.—„Экай ты“,—перемѣняетъ тонъ моя работница,—„развѣ ты не видишь, что къ тебѣ ласкается наша собака“.—„Развѣ я не вижу, что ко мнѣ ласкается ея собака“,—повторяетъ больной и дѣлаетъ видъ, что отбивается отъ ласкъ небольшой собаченки.

Оба описаннаго положенія—гипотетическія. Я не думаю, чтобы въ первомъ изъ нихъ было что-нибудь идущее въ разрѣзъ съ опытами надъ загипнотизированными субъектами. Что касается второго, то я достаточно, за время моего 14-тилѣтнаго пребыванія среди якутовъ, наблюдалъ омурѣхъ, чтобы могъ внасть здѣсь въ грубую ошибку.

Такого сходства между состояніемъ манѣріка и состояніемъ загипнотизированнаго субъекта не наблюдается. Но состояніе манѣріка постольку характеризуется ослабленіемъ воли, поскольку имъ отмѣчено состояніе человѣка во время истерическаго припадка: онъ не владѣетъ собой,—онъ владаетъ иногда въ „безсознательное“ состояніе,—принимаетъ плоды воображенія за действительность,—реагируетъ на то, чего нѣть, и даже—на то, чего не можетъ быть, и т. д.

Таковы черты болѣе значительнаго и менѣе значительнаго различія между состояніемъ манѣріка и состояніемъ омурѣхъ.

Дадимъ теперь общую характеристику картины той и другой болѣзни.

Омурѣхъ приводитъ въ ненормальное состояніе вѣнѣніе явленіе, наступающее внезапно и быстро дающее эффектъ: появленіе неожиданнаго необычнаго предмета,—взглядъ кого-нибудь изъ присутствующихъ,—произнесеніе несоответствующаго обстоятельствамъ слова,—неожиданный и поражающій слухъ большого шумъ, исходящій какъ изъ мѣра одушевленныхъ, такъ и изъ мѣра неодушевленныхъ предметовъ.

Эффектъ получается слѣдующій.—Больной выкрикиваетъ слово или слова, обычныя для такихъ случаевъ или свойственныя данному больному субъекту,—онъ повторяетъ слова или шумъ, поразившиі его слухъ,—подражаетъ поразившемъ его движеніе,—реагируетъ на смыслъ услышанныхъ словъ, хотя бы нелѣпость этого была очевидна для него,—наконецъ, исполняетъ приказаніе, заключающеющееся въ обращеніи къ нему, вызвавшемъ въ немъ болѣзненное состояніе.

Состояніе продолжается нѣсколько секундъ. Если послѣ этого причина, вызвавшая это состояніе, опять начинаетъ дѣйствовать, то больной вновь тутъ же впадаетъ въ это состояніе. Въ противномъ случаѣ онъ обращается къ приведшему его въ такое

состояніе съ просьбою—оставить его въ покоѣ или же сердится и даже угрожаетъ расправиться по-своему съ нарушителемъ его покоя. Если причина лежитъ во вѣшнемъ явленіи одушевленнаго или неодушевленного міра, то больной, освоившись съ явленіемъ, перестаетъ болѣзненно реагировать и предпринимаетъ цѣлесообразныя дѣйствія, вызываемыя явленіемъ (наприм., разнимаетъ дерущихся животныхъ).

Таковъ характеръ болѣзни ѡмурѣх'овъ.

Манѣрѣкъ вѣкъ припадка хотя и ведутъ себя, какъ нормальные люди, но все же чувствуютъ себя скверно: у нихъ головные боли, повышенная чувствительность, общее разслабленіе организма, физическое слабосилѣ; какъ я уже сказалъ, въ эти периоды они, по большей части, являются и ѡмурѣх'ами.

Наступаетъ припадокъ. У больного мутится въ головѣ,—онъ начинаетъ что-то бормотать, иногда—выкрикивать,—затѣмъ впадаетъ въ безсознательное состояніе. Во время припадка онъ ритмически выкрикиваетъ,—поетъ,—его корчтъ,—ему рисуются ужасы (огонь и пр.), и онъ на это реагируетъ,—онъ впадаетъ въ обморочное состояніе,—вскакиваетъ съ ложа и пытается куда-то уѣхжать. Оканчивается припадокъ или глубокимъ и продолжительнымъ сномъ, или постепеннымъ возвращеніемъ сознанія. Больной долго послѣ припадка чувствуетъ себя скверно: тяжесть въ головѣ, ломота во всѣхъ членахъ, общая физическая разслабленіость. Затѣмъ онъ переходитъ въ нормальное для себя состояніе,—съ тѣмъ чтобы черезъ тотъ или другой промежутокъ времени пережить новый припадокъ.

Даже исключительные ѡмурѣх'—хорошіе работники. Наоборотъ: манѣрѣкъ такъ ослабляетъ болѣзнь, что въ самое нормальное для себя время они почти ничего не въ состояніи дѣлать, и вообще въ хозяйствѣ на нихъ положиться нельзя.

Я опишу въ слѣдующей главѣ хорошо известную мнѣ исторію болѣзни манѣрѣкъ, а дальше сгруппирую то, что у меня записано объ ѡмурѣх'ахъ.

II.

Объектомъ моихъ наблюдений была якутка 22 лѣтъ. Росту она ниже средняго якутскаго, голова едва замѣтно больше, а ноги—короче по сравненію съ туловищемъ, нѣсколько полна и съ рѣз-

ко выраженнымъ якутскимъ обличьемъ. Звали ее — Ефросинья Лазарева.

Она была прижита виѣ брака. Я не знаю, страдалъ ли кто изъ ея родителей какою-нибудь нервною болѣзнью. Но родной (по матери) братъ ея убилъ, въ припадкѣ гнѣва, своего отца ударомъ топора по головѣ, за что и былъ сосланъ на каторгу.

Маленькимъ ребенкомъ она была отдана на воспитаніе въ чужую семью. Пріемный отецъ ея былъ человѣкъ грубый, мать—нѣсколько мягче; но во всякомъ случаѣ, она не испытывала особенно сильнаго семейнаго гнета: якуты обращаются съ пріемными дѣтьми, обыкновенно, какъ съ родными.

Съ малыхъ лѣтъ она имѣла замашки мальчика. Въ играхъ со сверстниками она выбирала часто роль „князя“ (наследнаго старосты) или мужа, а не жены или дочери. Когда подросла,—очень любилаѣздить верхомъ на быкѣ и на лошади, а поселившись у меня, съ удовольствіемъѣздила верхомъ очень быстро на моихъ, обыкновенно, довольно ретивыхъ, коняхъ. При этомъ, случалось и падала. Но рядомъ съ этимъ она—большая любительница скота, старательно ухаживаетъ за нимъ, въ особенности—за телятами, и стремится прослыть образцовою хозяйкою (хотя на самомъ дѣлѣ—далека отъ такихъ качествъ).

Половою жизнью она начала жить, насколько мнѣ известно, довольно рано,—лѣтъ съ 14, а, можетъ быть,—и немного раньше. Какъ это большую частью случается съ якутками бѣднаго и средняго состоянія, ею въ первый разъ полу-насилиемъ овладѣль одинъ изъ ея со-наслѣдинковъ при случайной встрѣчѣ съ нею въ лѣсу лѣтомъ. Но, какъ кажется, половымъ излишествамъ она не предавалась, хотя и видела виды на своею недолгомъ вѣку. Ни разу не была беременна.

Табакъ курить Ефросинья стала также очень рано, но затягивается сравнительно недавно.

У неї есть страсть къ вину, и при совсѣмъ безпутной жизни, лѣтъ 6—7 до описываемой ниже болѣзни, я видѣлъ ее нѣсколько разъ сильно охмелѣвшую. Внослѣдствіи она выпивала, но, насколько мнѣ известно, нѣсколько меньше и нѣсколько рѣже.

Менструаціи, по ея показаніямъ, у неї бывали довольно регулярно.

Она давно уже страдает хроническим бронхитомъ, то ослабывающимъ, то усиливающимъ,—подъ вліяніемъ простуды. Но во время сна болѣзненное состояніе бронховъ выражается у нея довольно своеобразно,—на мой взглядъ не-специалиста.

Иногда сонъ ея бываетъ отличенъ совершенно нормальнымъ отиѣвлениемъ дыхательныхъ путей. Но не рѣдко она какъ бы задыхается отъ временнаго (въ теченіе нѣсколькихъ секундъ) прекращенія дѣйствія грудныхъ мускуловъ, послѣ чего находящіяся въ легкихъ воздухъ выходитъ медленно, какъ бы съ особеннымъ усилемъ съ ея стороны, въ сопровожденіи сильныхъ хриповъ. При этомъ, нерѣдко, она разражается сильнымъ, мучительнымъ кашлемъ, приводящимъ въ нервное движение все ея тѣло. Нервная задержка дыханія иногда продолжается сравнительно дольше, она мучительно старается возвратить себѣ способность дышать, и, когда ей это удается, то въ тотъ же моментъ она обнаруживаетъ страхъ, даже какъ бы ужасъ по поводу происшедшаго. Въ такие моменты она даже просыпается и разсказываетъ какой-нибудь ужасный сонъ, ей привидѣвшійся во время припадка удушья.

Вообще, страшныя ночные видѣнія ее посѣщали нерѣдко.

Случалось, что во снѣ,—повидимому, безъ всякой причины,—она вскакивала и старалась куда-нибудь забиться,—въ уголь, за печку,—съ видомъ человѣка, дѣлающаго серьезное дѣло. Ее можно въ такихъ случаяхъ осторожно уложить обратно въ постель,—и она не будетъ помнить о происшедшемъ. Будучи разбуженою, она на вопросъ, что съ нею, обыкновенно отвѣчаетъ: „не знаю“.

Раньше, во время сильныхъ огорченій, плача, что называется, навзрыдъ, она впадала иногда въ обморочное состояніе на нѣсколько секундъ: дыханіе и пульсъ дѣлались неуловимыми, мускулы всего тѣла становились дряблыми. Возвращеніе къ сознанію сопровождалось тѣми же нервными мучительными движениями, которыя описаны выше. Въ такихъ случаяхъ она жаловалась на сердце.

Осенью 1889 г. она выпила немного водки и, боясь послѣдствій своего поступка (я не терпѣль, чтобы кто-нибудь въ моемъ домѣ напивался), а отчасти—и вообще находясь въ угнетенномъ состояніи духа, съ плачемъ говорила о своемъ намѣреніи повѣститься. Лѣтомъ 1890 года, подъ вліяніемъ случая самоубийства

молодого парня,—съ которымъ, впрочемъ, она рѣдко видѣлась,—мысль покончить съ собою ее преслѣдовала особенно сильно, и она однажды пыталась повѣститься, но сорвалась съ веревки и, подумавъ, сказала себѣ: „чѣ.. о л о р ў м!..“ (ну, поживу еще).

Около этого времени ей снилось два сна. Въ одномъ изъ нихъ она видѣла себя въ большой юртѣ, где было много людѣй и между ними—ея покойный отецъ; она выбѣжала будто изъ юрты, чтобы повѣститься, но ее догнали и удержали отъ этого. Другой сонъ: ей привидѣлся повѣшившійся парень (о которомъ выше была у меня рѣчь),—весь посинѣвшій, съ высунутымъ языкомъ. Въ обоихъ случаяхъ она съ плачемъ и ужасомъ просыпалась.

Вообще, страшныя видѣнія, страшные эпизоды, дѣйствительные или вымышленные, сильно ее влекли къ себѣ (waren reizend,—сказалъ бы я по нѣмецки), и она болѣзненно ихъ сmakовала.

Характеръ Ефросиньи отличается крайнею неровностью. Она легко и часто переходить отъ безграничного веселья къ безирѣдѣльной грусти,—отъ нѣжности къ грубости и жестокости,—отъ ласки къ гнѣву,—отъ любви къ ненависти. Но при этомъ разъхватившему ее чувству отдается страстью.

Я приведу, для характеристики этой женщины, нѣсколько свѣдѣній изъ разновременныхъ моихъ записей.

— Сколько грѣховъ у нихъ на душѣ,—сказала она однажды объ улусномъ торговцѣ и его женѣ.—Сколько разъ имъ приходилось обманывать людей.

„Не обманешь,—не продашь“,—эту истину якутскіе торговцы, конечно, усвоили себѣ вполнѣ, и якуты не хуже русскихъ понимаютъ, что ихъ торговцамъ нельзя не руководиться этимъ правиломъ практической мудрости.

— У ч ї г а і н—і!—воскликнула она однажды, любуясь превосходной картиной горы, покрытой зазеленѣвшимъ лѣсомъ и освѣщеній заходящимъ солнцемъ.—К і с і к ѡ х с ѡ к і ѿ н і р, к і с і т ѿ н а у с ѿ р¹), сказала она въ другой разъ при видѣ весеннаго возрожденія природы.

Начавшее зеленѣть широкое поле передъ моимъ домомъ, по ту сторону р. Татты, представляло дѣйствительно чудную картину.

1) „Какъ хорошо! Человѣкъ чувствуетъ себя свободно,—легко дышать!“ (вольный переводъ).

-- Я лежа все думала,—говорила она какъ-то,—думала о томъ, откуда появился человѣкъ, и кони, и коровы, и весь міръ... Да, притомъ же, вотъ мы живемъ, а скоро придется умереть... Что это значить?

Вообще, надо замѣтить, что она очень интересовалась вопросомъ о жизни и смерти, смерти страшно боялась и главнымъ образомъ—вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ находится послѣ смерти человѣка его трупъ. „Темно“,—„холодно“,—зимою даже „замерзать“ трупу приходится,—его „ѣдятъ черви“. И ее интересуетъ даже вопросъ, какъ долго лежитъ трупъ въ землѣ, не начиная гнить, и какъ долго сохраняется на немъ одежда. Когда же она начинаетъ говорить о загробной жизни, то хотя и представляеть ее себѣ материальною, тѣмъ не менѣе считаетъ ея страданія столь отдаленными, что не испытываетъ, при вызываніи въ себѣ представлениія о нихъ, острого чувства. Я даже подозрѣваю, что въ глубинѣ души у нея нѣть безусловной вѣры въ разсказы объ этомъ, и она, не продумавъ, повторяетъ лишь то, что слышала отъ другихъ.

Я долженъ въ заключеніе сказать, что именно со словъ Ефросиньи Лазаревой записаны были мною опубликованныя въ свое время (Записки Вост.-Сибир. Отдѣла И. Р. Г. Общества, т. II, вып. 2-й) „Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ“,—какъ и „Матеріалы для изученія якутской народной словесности“ (Извѣстія того же Отдѣла, т. XXI, вып. 2-й). Послѣдніе важны, какъ мнѣ кажется, въ томъ отношеніи, что собранныя тамъ пѣсни составляютъ пѣсенный матеріалъ рядовой якутской женщины, а не профессіональной пѣвицы или профессіонального пѣвца, и потому характеризуютъ не только словесное творчество якутовъ по существу, но и настроеніе средняго якута вообще.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній объ объектѣ моихъ наблюденій, перехожу къ описанію исторіи его болѣзни.

Въ началѣ сентября 1890 г. Ефросинья Лазарева получила извѣстіе, что обнаружена одна ея продѣлка, что можетъ дурно отразиться на ея положеніи и покрыть даже ея имя позоромъ. Примѣняясь къ терминамъ науки, я сказалъ бы, что она получила „психическую травму“¹⁾.

¹⁾ Я считаю необходимымъ тутъ же предупредить возможное заключеніе

Первый вечеръ послѣ этого она пробыла въ нервно-веселомъ настроеніи духа. Можетъ быть, она бравировала; но вѣриѣ, что способомъ своего поведенія она старалась подавить свое смущеніе. На другой день, съ утра, она была сильно озабочена,—впала въ угнетенное состояніе духа. Такое состояніе къ вечеру въ значительной степени усилилось; и мнѣ сообщили, наконецъ, что Ефросинья сидѣть на берегу нашей рѣчки, сильно задумавшись. Я пошелъ по указанію и увидѣлъ слѣдующую картину: Ефросинья сидѣть совершенно неподвижно на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, и съ видомъ человѣка, впавшаго въ полнѣйшее отчаяніе, тупо глядѣть, опустивъ голову въ землю.

Я подошелъ къ ней, спросилъ, что съ нею, заставилъ ее подняться и проводилъ въ домъ. Она была ко всему, повидимому, безучаствна и, войдя въ избу, не сѣла, а ставъ гдѣ-то въ углу, заложила руки за спину и продолжала тупо смотрѣть въ землю.

Я былъ самъ нѣсколько раздраженъ; а при этомъ я не зналъ, вполнѣ ли мягкость или, наоборотъ, строгость можетъ помочь здѣсь горю,—не былъ даже вполнѣ увѣренъ, что поведеніе Ефросиньи свободно отъ притворства.

Я сказалъ нѣсколько грубымъ тономъ, что знаю причину такого ея состоянія, но что во всемъ виновата она сама. Тутъ напряженіе ея нервной системы разрядилось плачомъ и конвульсивными рыданіями, по временамъ прерываемыми обморочнымъ состояніемъ.

Изъ этого я вывелъ заключеніе, что Ефросинья, помимо всего, действительно больна и—весьма серіозно.

Весь ходъ болѣзни для меня раздѣляется на три периода.

Въ первомъ періодѣ,—продолжавшемся приблизительно 1 мѣсяцъ,—больная находилась еще подъ влияніемъ сильнаго иравственнаго потрясенія. Припадки повторялись съ незначительными перерывами ежедневно. Днемъ Ефросинья чувствовала временами головокруженіе. Она жаловалась на нездоровье, говоря: „мѣј і рѣр“, что значитъ: я чувствую головокруженіе (замѣчу мимоходомъ, что глаголь і рѣ въ примѣненіи къ молоку

читателя.—Специалисты (см. С. А. Сухановъ, ор. сіт., стр. 39) приходятъ къ выводу, что психические шоки и травмы лишь въ тѣхъ случаяхъ вызываютъ истерию, когда и до того субъектъ обладаетъ истерической организацией,—хотя бы и въ скрытомъ состояніи.

означает свертывание послѣдняго). Вечеромъ, часовъ обыкновенно около 7, такое головокруженіе,—иногда появлявшееся внезапно,—заключалось обморочнымъ состояніемъ. Моментъ впаденія въ такое состояніе нерѣдко сопровождался дикимъ выкрикомъ, болѣе или менѣе рѣзкимъ; но случалось, что этотъ выкрикъ раздавался спустя нѣсколько секундъ послѣ впаденія больной въ обморочное состояніе. Все это происходило на томъ мѣстѣ, гдѣ больную заставало головокруженіе. Будучи перенесеною на постель, Ефросинья обыкновенно во все продолженіе припадка не приходила въ сознаніе.

Обморочное состояніе оканчивалось возстановленіемъ нормального дыханія и пульса, причемъ по большей части вѣмъ ея существомъ овладѣвало первое движение: она какъ будто пытается освободиться отъ чего-то мѣшавшаго ей дышать. Съ полнымъ возстановленіемъ дыханія она начинала мучительно стонать. Но это не было стономъ лишь физически страдающаго человѣка: она страдала отъ гнета чего-то другого. Ноздри ея расширялись,—выраженіе лица совершенно мѣнялось. По временнымъ—болѣе глубокій вздохъ, и выдыханіе—стонъ, начинаясь нѣсколько болѣе высокой ноты, доходило до самаго низкаго тона, граничащаго съ щумомъ: это она опять впадала въ обморокъ. Въ продолженіе всего припадка, длившагося отъ трехъ четвертей часа до 2 часовъ, она впадала такимъ образомъ въ обморокъ разъ 7. Каждый обморокъ длился до 15—40 секундъ.

Слабый припадокъ только этимъ и выражался. Но случалось, что моментъ возстановленія дыханія сопровождался особенно сильнымъ первымъ движениемъ. Она металась по кровати, раскидывала постельные вещи, рвала даже на себѣ бѣлье,—и при этомъ выкрикивала: „сердце мое!.. сердце мое!..“ или: „не давите, не душите меня!.. дайте мнѣ свободно дышать!..“ Въ такие же моменты она иногда вскакивала съ постели, намѣреваясь выбѣжать на дворъ, или же кидалась къ ножу и веревкѣ. Случалось, что она даже при этомъ выкрикивала: „веревку мнѣ подайте!.. подайте мнѣ ножъ!..“ Два или три припадка такого характера были прямо ужасны. Она билася до такой степени, что окружающіе принуждены были ее съ силой удерживать за руки и за ноги, оберегая ее отъ возможныхъ сильныхъ ушибовъ. Но это только усиливало ея первыя движения, какъ бы вызывая въ

ней реакцію противъ предполагаемаго ею насилия надъ нею со стороны окружающихъ. Она пыталась освободиться, при чемъ съ звѣрскимъ выражениемъ лица оскаливала зубы, намѣреваясь укусить руки удерживавшихъ ее лицъ, и однажды, захвативъ зубами край своей рубахи, разодрала ее. При такомъ характерѣ припадка она особенно часто впадала въ обморочное состояніе. Но, и независимо отъ этого, она нерѣдко била руками по кровати, въ стѣну,—дѣлала первыя движения ногами; случалось, что она пыталась биться и головой объ стѣну.

Иногда она на нѣсколько минутъ приходила въ сознаніе. Въ такихъ случаяхъ она находила для себя облегченіе, располагаясь на кровати въ полусидячемъ положеніи. Впрочемъ, это—не всегда: подчасъ ей все-таки легче было лежать.

Точно также свѣтъ на нее дѣйствовалъ иногда успокоительно; но по большей части свѣча ее раздражала, и она требовала, чтобы ее убрали.

Въ большинствѣ случаевъ такого характера припадки оканчивались сномъ,—довольно продолжительнымъ и успокаивающимъ. На утро она чувствовала ужасную слабость во всемъ тѣлѣ и не сразу могла встать съ постели. Одинъ разъ припадокъ въ легкой формѣ повторился и утромъ.

Но случалось, что припадокъ вечеромъ же оканчивался полнымъ возстановленіемъ сознанія. Одинъ разъ даже,—и послѣ довольно сильного припадка,—она почувствовала себя очень легко,—жаловалась только на физическую боль въ рукахъ, которая сильно держали во время припадка въ предотвращеніе ушибовъ. Она попросила зажечь свѣчу и, услышавъ, что въ юртѣ ёдятъ рыбу, которую она очень любила, потребовала себѣ закуску и чай. Ноѣвъ и выпивъ чай, она уснула нормальнымъ сномъ.

Видѣнья попрежнему продолжали посещать ее.

За время этихъ припадковъ Ефросинья сильно осунулась физически. Она страшно похудѣла,—сдѣлалась болѣзнико-раздражительной,—въ чрезвычайной степени ослабѣла физически. Дней черезъ 10 ее нельзя было узнать. Она и сама сознавала это и говорила поэтому о себѣ: „а нарым булла міайн“—отъ меня осталась половина. Днемъ слышались ее нервные вздохи,—какъ бы отъ неправильного отправленія мышечнаго аппарата, завѣдывающаго дыханіемъ, и нервное же покашливаніе.

Въ этомъ періодѣ больна находилась подъ сильнымъ нравственнымъ гнетомъ съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, на нее продолжало вліять воспоминаніе объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ ближайшимъ образомъ ея болѣзньное состояніе. Отъ этого вліянія она освободилась,—насколько это было возможно безъ устраненія совершившагося факта,—лишь къ концу періода. Съ другой стороны, такого рода болѣзнь, съ точки зрењія якутовъ, считается рагъ excellence проявленіемъ дѣйствія якутскаго абѣсы,—ея до нѣкоторой степени стыдятся. Для Ефросиньи это чувство смущенія усиливалось благодаря тому, что мой домъ посѣщался очень часто русскими. Нѣть сомнѣнія, что окружающие ее якуты не стѣснялись вести при ней бесѣды о ея болѣзни, какъ о проявленіи дѣйствія абѣсы, и она настраивалась на мысль, что противъ этой болѣзни могутъ оказаться дѣйствительными только необыкновенные средства.

Я успокоивъ ее какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Я говорилъ, что болѣзни нечего стыдиться,—что она не можетъ имѣть иныхъ послѣдствій, кроме истощенія. Но Ефросинья не разъ говорила мнѣ, что послѣ вчерашняго припадка она не чаяла дожить до утра,—что страшится за свое будущее, не сойдетъ ли она съ ума,—и не разъ поговаривала о томъ, что лучше ей покончить съ собой.

Само собою разумѣется, что я не только поневолѣ выслушивалъ толки якутовъ о болѣзни Ефросиньи, но, по возможности,—съ цѣлями этнографического наблюденія,—вызывалъ якутовъ на изложеніе ихъ соображеній по данному поводу.

Въ этомъ періодѣ якуты въ одинъ голосъ говорили мнѣ, что въ Ефросинью вселился какой-нибудь абѣсы, и что только одинъ мѣнѣрікъ съ перешедшимъ въ хроническое состояніемъ болѣзни и, тѣмъ самымъ, приближающійся къ шаманамъ, можетъ опредѣлить, какой именно абѣсы здѣсь замѣщался, а пото мъ—и выгнать его изъ существа Ефросиньи.

Приглашенная къ больной опытная фельдшерица-акушерка, практиковавшая долго и самостоительно, и притомъ—главнымъ образомъ въ Средней и Сѣверной Россіи, гдѣ по деревнямъ немало „кликушъ“, Е. К. Т—ская, затруднилась поставить полный диагнозъ, такъ какъ Ефросинья не согласилась подвергнуться внутреннему изслѣдованію. Во всякомъ случаѣ, было констати-

ровано, что въ сферѣ половыхъ органовъ существуетъ опухоль. Надо замѣтить, что за годъ до появленія припадковъ Ефросинья сама обратила вниманіе на небольшую опухоль въ области праваго яичника и по этому поводу жаловалась: „і спѣр к ѿ с са; а нал цар убскѣйт“—у меня въ животѣ образовалась болѣзнь величиною съ горшокъ. Но Е. К. Т—ская затруднилась опредѣлить, какому именно органу принадлежитъ эта опухоль (постановкѣ диагноза ей помѣшало отсутствіе внутренняго изслѣдованія). Благодаря той же неполнотѣ изслѣдованія Е. К. Т—ская не въ состояніи была сдѣлать предсказаніе и сказала лишь, что больна не гарантирована отъ того, что опухоль не превратится въ гнойникъ съ печальнымъ для Ефросиньи исходомъ. Далѣе Е. К. Т—ская категорически высказалась въ томъ смыслѣ, что болѣзнь Ефросиньи является не только истеріей, зависящей исключительно отъ состоянія ея половыхъ органовъ, но что здѣсь замѣшано и разстройство нервныхъ центровъ¹⁾,—что состояніе всего ея организма направлено въ сторону какой-то особой формы заболѣванія. Во всякомъ случаѣ, Е. К. Т—ская нашла у Ефросиньи нормальными дыханіе, пульсъ и сердечные тоны, измѣняющимися лишь временно,—подъ вліяніемъ нервнаго разстройства.

Больной былъ прописанъ бромистый натръ внутрь и смазываніе іодовой настойкой области праваго яичника. Іоду достать было невозможно. Что касается брома, то онъ не могъ оказать на больную замѣтнаго дѣйствія, такъ какъ курсъ леченія, хотя бы шести-мѣсячный, не былъ выдержанъ.

Къ концу описываемаго періода Ефросинья значительно успокоилась нравственно. Нѣсколько дней подъ рядъ съ ней не было припадковъ, а если и бывали, то не каждый день и сравнительно въ болѣе легкой формѣ.

Въ такомъ состояніи я ее оставилъ, уѣзжая на полтора мѣсяца въ далекій улусъ.

За время моего отсутствія у нея, какъ я узналъ впослѣдствіи, изрѣдка появлялось головокруженіе и только два раза были при-

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ заключеніе г-жи Т—ой либо записано мною съ ея словъ неточно, либо сдѣлано неправильно,—какъ сообщила мнѣ познакомившейся съ этой статьей въ рукописи специалистъ по первымъ болѣзнямъ, врачъ Е. А. Шевалевъ.

падки въ очень легкой формѣ. Но вскорѣ послѣ моего возвращенія у Ефросиньи опять начались припадки почти ежедневно, открывшіе собой второй періодъ ея болѣзни.

На этотъ разъ весь ходъ припадковъ отличался тѣмъ, что Ефросинья, вообще говоря, сознанія не теряла. Обмороки, впрочемъ, повторялись и теперь, и ими же нерѣдко и начинались припадки. Больная чувствовала головокруженіе и сама укладывалась въ постель. Начинались стоны того же характера, что и выше описанные; но въ этомъ періодѣ особенно рѣзко начинала выдѣляться ритмичность этихъ стоновъ. Больная ритмически выкрикивала: „а я какъ бы ин“ (междометіе боли отъ давлѣнія, удара, укола, порѣза),—„а бѣта и бы ин“ (междометіе боли отъ ожога, а также—отъ всякой жгучей боли),—„май і бін“ („мой мозгъ“ или „боже, что съ моимъ мозгомъ“),—„сурукабын“ („о, горе“),—„арайібін“ („о, несчастье“),—„юлорбун“ („о, если бы мнѣ умереть“), и т. п. Она впадала временами въ забытье, и при этомъ губы ея шевелились, она шепотомъ произносила слова, разобрать которыхъ было трудно. Иногда же происходило весьма странное явленіе: въ забытіи больная чмокала губами и языкомъ, какъ будто что-то смакуя, и при этомъ говорила: „мінігасін!“ (ахъ, какъ вкусно!). Глаза во время такого забытія у нея были закрыты, и она часто шевелила кожу на лбу, какъ это дѣлаетъ человѣкъ при сильной головной боли. Но такія состоянія тихаго забытія продолжались обыкновенно не долго. По большей части, она сознавала себя вполнѣ,—жаловалась на невыносимую боль въ мозгу. Своё ощущеніе она передавала такимъ образомъ: „какъ будто у меня мозгъ въ головѣ превратился въ жидкость и клокочетъ тамъ, какъ каша, которую варятъ въ горшкѣ на огнѣ“. Но такое состояніе сознанія перешло изрѣдка не въ тихое, а въ бурное безпамятство. Въ такие моменты боль въ мозгу достигала, повидимому, апогея,—больная, нарушая темпъ своихъ стоновъ, дико вскрикивала. Однъ разъ при этомъ ей привидѣлось, что какой-то человѣкъ, съ волосами, торчащими дыбомъ, всадилъ ей мутовку въ голову и сталъ вертѣть ее тамъ,—на подобіе того, какъ взбиваются масла, сливки и т. п. Въ другихъ случаяхъ ей казалось, что, какъ говорится, „комната ходить кругомъ“, хотя она лежала съ закрытыми глазами въ темной комнатѣ,—или что на нее потолокъ или

огонь сверху падаетъ,—или, наконецъ, изъ глазъ у нея летятъ искры. Иногда, далѣе, чудилось ей, что въ избѣ набралось много народа и всѣ на нее смотрятъ. Слова въ родѣ: „балаганым ўрда түсәрі гынар“ („потолокъ валится“) и „ўрдү бәр уот түсәрі гынар“ („на меня падаетъ огонь“) она иногда также выкрикивала ритмически.

Еще одною отличительною чертою состоянія Ефросиньи въ этотъ періодѣ ея болѣзни было внутреннее желаніе выбѣжать на улицу даже днемъ, виѣ припадочнаго состоянія, и бѣжать, безъ оглядки,—какъ говорится. Она, сообщая объ этомъ, обыкновенно прибавляла: если бы я побѣжала, то меня ни на какой лошади не догнали бы“. Однажды она,—повидимому, совершенно успокоившись,—вышла на улицу, и вдругъ оттуда раздались ея припадочные выкрикиванія. Изъ воротъ дома она шла по дорогѣ, но медленно, хотя, повидимому, и подчиняясь невольно внутреннему влечению.

Точно также, слѣдуетъ отмѣтить и ту сторону ея состоянія, которая обусловливала желаніе что-нибудь порвать, разбить, выдѣлывать какія нибудь необыкновенные движения,—„кривляться“. Но она лишь говорила о такомъ своемъ желаніи и никогда его не выполняла. Такое желаніе она испытывала по большей части днемъ, когда обыкновенно припадковъ съ ней не бывало.

Наконецъ, отмѣчу еще одно явленіе. Однажды, во время припадка, она вдругъ потеряла способность говорить. Это вызвало въ ней страшнѣйший испугъ. Я успокаивалъ ее, говоря, что если она перестанетъ думать объ этомъ и уснетъ, то черезъ полчаса афазія пройдетъ. Но она волновалась и долго не могла уснуть,—часа два. Когда же уснула, наконецъ, и черезъ нѣкоторое время проснулась опять, то первымъ ея воскликаніемъ было: „ахъ какъ я рада“. Въ другой разъ случай афазіи имѣлъ мѣсто независимо отъ припадка. Она проснулась ночью и не въ состояніи была произнести ни слова, и лишь мычала; но теперь, наученная опытомъ, она уже не такъ испугалась, а на другой день даже смѣялась надъ собой.

Вообще, въ этотъ періодѣ болѣзни ее съ тѣмъ большимъ со-жалѣніемъ приходилось наблюдать, что страданія свои она сознавала и довольно точно передавала свои ощущенія. Боязнь за то, что она можетъ сойти съ ума, опять стала ее преслѣдоватъ.

Періодъ этотъ продолжался около трехъ недѣль. Припадки бывали не ежедневно. Подъ конецъ периода ослабѣвая, они прекратились совсѣмъ.

Больная смазывала свою опухоль іодовой настойкой, а брома все-таки не могла принимать регулярно.

Конечно, и на этотъ разъ я собиралъ соотвѣтствующій этнографическій матеріалъ путемъ разспроса якутовъ. На свои вопросы я получилъ такія свѣдѣнія.

Ходъ болѣзни у Ефросиньи—нормальный, вплоть до покушеній на самоубійство. Обыкновенно, въ началѣ припадки повторяются весьма часто, а затѣмъ—могутъ бывать и разъ въ мѣсяцъ, напримѣръ: тогда болѣзнь принимаетъ хроническій характеръ. Въ данномъ случаѣ болѣзнь относится къ типу майнаріар, а не остоіус, такъ какъ при послѣдней формѣ заболѣванія больные находятся въ состояніи сумасшествія и въ промежуткахъ между припадками,—въ то время какъ Ефросинья, напротивъ, категорически заявляла, что виѣ припадковъ она чувствовала себя „человѣкъ-человѣкомъ“,—„какою была до начала припадковъ“, т.-е. до осени 1890 г. При этомъ якуты еще говорили мнѣ, что само по себѣ состояніе Ефросиньи не ведетъ къ смерти.

Что касается третьаго периода болѣзни описываемаго субъекта, то онъ для меня не вполнѣ выяснился, такъ какъ послѣ первого же припадка я надолго потерялъ ее изъ виду, послѣ же того имѣль о ней мало свѣдѣній, и, наконецъ, за выѣздомъ моимъ изъ Якутской области, окончательно потерялъ съ нею всякую связь. Какъ мнѣ передавали не такъ давно, она умерла, достигнувъ приблизительно 40-лѣтняго возраста.

Припадокъ этого третьаго периода произошелъ при такихъ обстоятельствахъ.

Ко мнѣ по дѣлу прѣѣхалъ знаменитый въ околотѣ сказочникъ и заночевалъ. Вечеромъ прислуга просила у меня разрѣшенія—позвавшись сказкой. Я далъ, конечно, такое разрѣшеніе, но предупредилъ Ефросинью, чтобы при чувствѣ малѣйшаго утомленія она остановила сказочника и легла спать, такъ какъ замѣчалъ и раньше, что для нея во-время уснуть—значить предупредить припадокъ. Но, конечно, осторожность была побѣждена любопытствомъ,—сказка затянулась до полуночи, и наконецъ, Ефросинья упала бѣзъ чувствъ на руки своей подруги. Черезъ нѣсколько

секундъ пронзительно прозвучалъ ея дикий выкрикъ,—признакъ, что начался сильный припадокъ.

Почти во все время этого припадка Ефросинья находилась въ безсознательномъ состояніи. Обмороковъ почти не было. Но ритмичность выкриковъ достигла наиболѣе сильной степени, они сдѣлялись несравненно рѣзче и громче: голосовой аппаратъ работалъ съ необыкновенной энергией¹⁾. Прежнихъ формъ выраженія уже не было: повтореніе однихъ и тѣхъ же междометій смѣнилось связною рѣчью. Но всеже повторялись вибраціи голоса, напоминавшія якутскую мелодію. Въ этой рѣчи она жаловалась на свою судьбу,—сожалѣла, что у нея нѣть, какъ у другихъ, своего очага,—что живеть она не на правахъ законной жены. Съ другой стороны, ее охватывали галлюцинаціи. Ей привидѣлось, что пришла ея покойная мать,—и пришла именно съ тѣмъ, чтобы „взять“ ее (на тотъ свѣтъ). Представилась ей и одна сумасшедшая сосѣдка: она спрашивала, зачѣмъ та хочетъ свести ее, Ефросинью, съ ума.

Больная заснула въ этотъ вечеръ тяжелымъ сномъ. На утро, значительно передъ тѣмъ поправившася, Ефросинья встала сразу осунувшееся до неузнаваемости,—какъ бы послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни. Но въ теченіе дня она успѣла нѣсколько оправиться и во все продолженіе послѣдующихъ нѣсколькихъ дней, до моего отѣзда, чувствовала себя удовлетворительно.

Я старался быть точнымъ въ изложеніи фактovъ. Но, конечно, не сомнѣваюсь, что изъ-подъ пера психіатра и даже просто врача изложение вышло бы болѣе поучительнымъ. Какъ не специалистъ, я могъ во время самого процесса наблюденія упустить изъ виду какую-нибудь особенно цѣнную подробность. Но, можетъ быть, мой очеркъ вызоветъ въ комъ-нибудь изъ болѣе компетентныхъ, нежели я, лицъ желаніе изучить относящіяся къ описываемой области факты и обработать богатый матеріалъ, который даютъ

1) Однажды, остановившись на почтовой станції, я не могъ сомкнуть глазъ всю ночь, такъ какъ на этой же станціи остановились якуты, везшіе куда-то мэнэричку, и та всю ночь на пролетъ выкрикала. Выкрики были ритмичны, но темпъ и сила голоса варьировались, переходя отъ медленныхъ и слабыхъ до самыхъ быстрыхъ и сильныхъ. Иногда казалось, что у больной порвутся голосовые связки или разорвутся грудная клѣтка. Вообще, это напоминало бѣшеную скачку на дикомъ конѣ черезъ лѣса и горы.

инородцы этою стороною своей психопатологи. Это и составляет главнейшую цель для меня въ данномъ случаѣ.

Изученіе предмета представляеть собою интересъ ближайшимъ образомъ для психо-физиологии якутовъ—въ частности и для антропологии—вообще. Уже этою своею стороною предметъ входить въ область этнографическихъ изысканій. И, какъ кажется, на основаніи изложеннаго можно уже сдѣлать выводъ, что якутскіе манарикі—не то, что русскія „кликуши“.

Но можно поставить вопросъ и нѣсколько шире.

Громадной важности фактъмъ младенческой жизни народовъ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, считать то обстоятельство, что шаманъ—или же подражаетъ манарику, во время шаманскаго дѣйствія, или даже на самомъ дѣлѣ впадаетъ при этомъ въ состояніе манарика.

Далѣе, всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что шаманское дѣйствіе вызываетъ иногда невольное подражаніе шаману со стороны присутствующихъ. Я позволю себѣ привести слѣдующій отрывокъ изъ моихъ записей начала 1880-хъ гг. (мои „Якутскіе материалы“, копируемые и систематизируемые для Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, отд. III, запись 213-я):

„Шаманъ началъ дѣйствіе. Онъ кривлялся, дико завывалъ, всячески скакалъ. На зрителей все это производило сильное впечатлѣніе, и скоро началась невольная симуляція. Первою стала симулировать старуха (якутовъ въ юртѣ было много), за ней нѣсколько другихъ женщинъ.... Кривляясь, скакча, завывая дикимъ голосомъ, съ бѣлками на-выкатъ, шаманъ медленно приближался къ ребенку, котораго взялся вылечить и котораго держала мать на рукахъ. Ребенокъ завизжалъ отъ испуга,—мать по мѣрѣ приближенія къ ней шамана, тряслась все болѣе и болѣе, и едва успѣли выхватить у нея изъ рукъ ребенка, какъ она грохнулась на землю. Придя въ себя, эта женщина также начала симулировать“.—

Вотъ—фактъ (конечно, одинъ изъ множества другихъ), доказывающій связь между состояніемъ шамана и состояніемъ манарика.

Наконецъ, мы знаемъ (моя запись о Колымскомъ округѣ „Якутскіе материалы“, III. 158 и 159), что есть шаманы, насчитывающіе непрерывное родство съ шаманами же въ 16 поколѣніяхъ,—что „хорошъ“ туть шаманъ, среди предковъ котораго были удав-

ленники, сумасшедшиe,—и въ то же время знаемъ, что наклонность къ самоубійству и боязнь сумасшествія сильно развиты именно у манариковъ;—мы знаемъ, далѣе, что острую форму болѣзни манарика можетъ вылечить манарикъ съ хроническою формою,—вылечить, конечно, не лекарствами, а тѣми же, по существу, дѣйствіями, какими лечить шаманъ болѣзни вообще.

Итакъ, съ какой бы стороны ни посмотрѣть на состояніе манарика,—вездѣ мы замѣтимъ связь между этой болѣзнью и тѣмъ состояніемъ, въ которое впадаетъ шаманъ при своихъ дѣйствіяхъ профессіонального характера.

О важности изученія шаманства вообще говорить на страницахъ ученаго этнографического изданія не приходится.

Но именно потому-то столь же важно и изученіе состоянія манарика.

Не претендуя на исчерпывающее значеніе моихъ указаній, я все же позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя литературныя справки о только что затронутомъ предметѣ.

Изъ Крашенинникова („Описаніе Камчатки“, СПб. 1755) я сошлюсь не на то свидѣтельство, которое цитируетъ Э. К. Некарскій въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ „Эволюціи Черной Вѣры у якутовъ“ В. Ф. Троцанскаго (стр. 120—122). Для цѣлей Э. К. Некарскаго важно было взять извѣстія Крашенинникова о шаманизмѣ у камчадаловъ, заключающіяся въ гл. 12-й III-й части труда Крашенинникова. Мое же вниманіе остановило на себѣ описание осенняго праздника камчадаловъ (гл. 13-я; о праздникахъ и наблюдалемыхъ притомъ церемоніяхъ, стр. 84—107 тома II-го). Вотъ какой эпизодъ встрѣчаемъ мы въ этомъ описаніи:

„Всѣ старики встали съ мѣсть своихъ, и взяvъ другъ друга за руки заплясали, и закричали Алхалалалай, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали. Во время крику начали выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, и скося глаза, и скривя ротъ, и представляя себя какъ возможно страшными, которыхъ, дошедшъ до лѣстницы, подняли руки къ верху, и дѣлая страшныя тѣлодвиженія плясали и кричали во всю глотку, а потомъ одна за другою падали на землю будто мертвыя, и разносимы были мужчинами по

мѣстамъ своимъ, гдѣ лежали, якобы безчувственны до тѣхъ поръ, пока нѣкоторой старицѣ не отшепталъ каждыя порознь" (стр. 88—89) "—.

Во время дальнѣйшаго хода связанныхъ съ празднествомъ дѣйствій эпизодъ этотъ повторялся не разъ.—"Напослѣдовъ",—читаемъ мы, наприм., на стр. 90,—"весь женскій полъ, аки пораженный нечистымъ духомъ попадалъ на землю, выключая ту дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась: ибо она по тѣхъ поръ висѣла на ней, и кричала, пока береза концомъ своимъ на полу стала, тогда и она по примѣру прочихъ на землю поверглась какъ мертвая".

Надо замѣтить, что, какъ это слѣдуетъ изъ описанія въ предыдущей (12-й) главѣ, шаманство у камчадаловъ въ срединѣ XVIII столѣтія было весьма слабо развито со стороны формъ и содержанія: почти не были еще выдѣлены шаманы въ особое сословіе или въ особую группу, и шаманскій обрядъ совершилъ каждый глава рода. Это важно имѣть въ виду потому, что во время описываемыхъ празднествъ въ состояніе истеріи впадали присутствующіе (и притомъ—исключительно женщины),—въ то время какъ совершившими дѣйствія "стариками" истерическихъ припадковъ не наблюдалось. Такъ, поголовная истерія—въ началѣ, на зарѣ развитія шаманства, и концентрація ея въ отдѣльныхъ субъектахъ—въ періодѣ большого развитія шаманизма.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится то, что мы встрѣчаемъ у современного намъ наблюдателя шаманства среди одного изъ племенъ крайняго Сѣверо-востока Азіи.—У В. Г. Богораза мы читаемъ *):

"У чукочъ шаманство поголовное до сихъ поръ имѣть большое значеніе. Во время охотничихъ праздниковъ... въ семейномъ пологѣ звучить не одинъ, а нѣсколько бубновъ. Иные изъ нихъ принадлежать гостямъ, но два или три находятся въ рукахъ у домочадцевъ. И на этомъ празднике всѣ юноши и дѣвушки, а также—подростки, колотятъ въ бубенъ, пляшутъ ритуальную пляску, громко выкрикиваютъ и всѣми мѣрами стараются при-

*) В. Г. Богоразъ. Къ психологіи шаманства у народовъ Сѣверо-восточной Азіи.—Докладъ читанный 30 декабря 1909 г. въ соединенномъ засѣданіи подсекцій этнографіи и антропологіи XII Съѣзда Естествоиспытателей и Врачей.—"Этнограф. Обозрѣніе", кн. LXXXIV—LXXXV, стр. 8.

вести себя въ состояніе экстаза. Въ этихъ случаяхъ мнѣ приходилось даже наблюдать массовое шаманство, особый психозъ, который завладѣвалъ одновременно всѣми присутствующими. Стукъ бубновъ, бѣшеные крики... звучали внушительно. Вся семья вмѣстѣ съ родственниками, друзьями и гостями... ревѣла, плясала и выла".

Какъ видитъ читатель, и здѣсь параллельно съ поголовнымъ шаманствомъ мы наблюдаемъ и поголовный психозъ.

Весьма цѣнными, поэтому, слѣдуетъ считать слѣдующія наблюденія того же путешественника, надѣ другими элементами населенія крайняго Сѣверо-востока Азіи (ор. cit., стр. 7—8):

—"У обрусѣлыхъ инородцевъ и у русскихъ метисовъ на рекѣ Колымѣ и Анадырѣ шаманство почти исчезло. Однако, среди женщинъ очень распространенъ особый лечебный приемъ, который опредѣляется тоже глаголомъ шаманить. Женщины, больные болѣе сильными формами истеріи, которая объединяется вмѣстѣ подъ общимъ именемъ "припадка", ложатся въ постель, начинаютъ голосить на разные лады, произносять звуки, непонятные и почти нечленораздѣльные,—послѣдніе остатки прежнихъ заклинаній,—мечутся, бываютъ обѣ стѣны, потомъ затихаютъ и чувствуютъ облегченіе. Такія "припадочныхъ" пытаются также предсказывать будущее, болѣе или менѣе неискусно, въ отличіе отъ настоящихъ шамановъ. Это, быть можетъ, тоже остатки шаманства поголовного."—

Перейдемъ теперь къ шаманству чисто индивидуальному.

Въ замѣчательномъ "Краткомъ описаніи о народѣ остиакомъ иже въ предѣлахъ полнощныхъ царства сибирскаго обрѣтается" и т. д., составленномъ Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 г. и изданномъ (Л. Майковымъ) впервые (на русскомъ языке) лишь въ 1884 г. (оно почти цѣликомъ вошло, по свидѣтельству Л. Майкова, въ сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ нѣмца или шведа I.-Б. Мюллера „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiakeп, вошедшее въ книгу Фр.-Хр. Вебера, Hamburg, 1721),—въ этомъ замѣчательномъ "описаніи" такая масса данныхъ по интересующему насъ вопросу, что я затрудняюсь остановиться на томъ или другомъ отдѣльномъ указаніи, и рѣшительно рекомендую лицамъ, которые видятъ для себя въ этомъ особенный интересъ, тщательно проштудировать "описаніе". Но чтобы приве-

сти все же некоторые данные объ осязахъ въ занимающемся нась вопросѣ, я цитирую нѣсколько строкъ изъ „Поѣздки къ Ледовитому морю“ Ф. р. Белявскаго (Москва, 1833), который, „состоя на службѣ въ Западной Сибири, въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, пріобрѣлъ, по званію члена Врачебной Управы, обстоятельный свѣдѣнія о Сѣверномъ краѣ, въ особенностіи по части физиката“ (Предувѣдомленіе, стр. III-я). Вотъ что мы читаемъ у этого автора (стр. 112 и слѣд.):

— „Достоинство и званіе шаманское не рождается по назначению—выродки между инородцами, какъ вѣроятно и между прочими народами, геніи по душѣ и чувствамъ, не находя для духа своего пищи въ обыкновенномъ быту, сначала толпятся, а наконецъ пристаютъ къ людямъ, разыгрывающимъ необыкновенную сюю роль, всматриваются пристально, и при малѣйшемъ ощущеніи въ себѣ къ тому способности упражняютъ умъ и тѣло, начиная съ трудовъ и поста, состоящаго въ одномъ воздержаніи ничего не есть при людяхъ до времени жертвоприношенія; труды же заключаются въ безпрестанномъ слѣдованіи за разными шаманами и въ присутствованіи на всѣхъ жертвоприношеніяхъ, какъ во время скитающейся жизни, прислушиваясь къ лукавымъ рассказамъ и нелѣпому толкованію шаманскихъ сновъ, съ юныхъ лѣтъ отравляютъ превосходныя способности мечтательными взорами, а при случай и за отсутствіемъ своихъ наставниковъ, пользуясь слабоуміемъ народа, предпринимаютъ всенародно кривлянія молодымъ тѣломъ. Мало-по-малу, занимая умъ и чувства зрителей, снискиваютъ легко и прочно любовь и довѣренность народа.... Шаманы и шаманки, проводя всю молодость свою въ упражненіяхъ, раздражающихъ умъ и чувства, напослѣдокъ дѣлаются до того чувствительны, что при малѣйшемъ желаніи представить шаманскую фарсу, приходятъ въ мечтательное изступленіе, въ которомъ, сначала кружась на одной ногѣ, дѣлаютъ до усталости всевозможныя движенія всѣмъ тѣломъ, и въ безчувственномъ полууміи бываютъ себя въ грудь и голову, падаютъ на землю, коверкаются, и до того не перестаютъ биться, пока, потерявъ всѣ чувства и силы, не уснуть отъ разслабленія, продолжающагося иногда около 2 дней“.—

Я полагаю, что если бы перевести примитивные термины автора на языкъ современной науки, то получилась бы яркая картина психики шамановъ. Конечно, сдѣлать это я не могу: это—дѣло спе-

циалистовъ. Я же привелъ свою мысль о необходимости тщательнаго изученія состоянія мандріка именно для освѣщенія темныхъ сторонъ шаманизма.

Будущіе шаманы изъ бурятъ проявляютъ всегда особое нервное и психическое состояніе, весьма далекое отъ нормального¹⁾.

Объ отклоненіяхъ отъ нормы психической и нервной жизни у тѣхъ изъ гиляковъ, которые готовятся сдѣлаться шаманами, сообщаетъ Л. И. Штернбергъ²⁾.

Въ „Aus Sibirien“ акад. В. В. Радлова мы встрѣчаемъ извѣстіе³⁾, что будущіе шаманы среди алтайскихъ татаръ подвержены эпилептическимъ припадкамъ и проявляютъ другіе признаки разстройства нервной и душевной жизни человѣка.

Объ инородцахъ долины южнаго Енисея вообще Е. К. Яковлевъ⁴⁾ пишетъ:

— „Способность быть шаманомъ наследственна—съ этимъ согласны всѣ... Сойотскій признанный шаманъ — наследственный: у хухам.... Три лично мною видѣнныхъ шамана отличались крайней нервностью, вплоть до непроизвольного подергиванія личныхъ мускуловъ и легко дающейся способности приводить себѣ въ изступленіе. У сойотъ признаками тяготѣнія къ шаманству оказываются: зѣвота, потягиваніе всѣхъ членовъ, обмороки, припадки падучей, временное помѣшательство—албыстай и ргэн (что значитъ „злой духъ вселился въ него“). Кроме такого заболѣванія, отмѣчается албыстанки, т.-е. сумашествіе съ рѣдкими свѣтлыми минутами, допускающее еще выздоровленіе; затѣмъ слѣдуетъ тенэк — идиотизмъ и хальжаран — буйное неизлѣчимое помѣшательство.... Во время празднества (сопровождающаго посвященіе въ шаманы) „оба шамана“ (т.-е., посвящаемый и посвящающій) „шаманитъ, что кончается нерѣдко жестокимъ припадкомъ падучей у молодого“ (посвящаемаго въ шаманы).“—

¹⁾ Агапитовъ и Хангаловъ въ „Матеріалахъ по изученію шаманства въ Сибири“; Извѣстія Вост.—Сибирскаго Отд. И. Р. Географ. Общества, т. XIV, вып. 1—2, стр. 45.

²⁾ Л. И. Штернбергъ, Гиляки, стр. 74.

³⁾ Т. И., стр. 17

⁴⁾ „Этнографический обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея“ и т. д. (вып. IV „Описанія Минусинскаго Музея“, Минусинскъ, 1900, стр. 113 текста).

Весьма естественно, что много материала по интересующему насъ въ данную минуту вопросу собрано въ сочиненіи, которое посвящено специально вопросу о психологіи шаманства. Таковъ именно докладъ В. Г. Богораза, на который я уже ссылался.— „Психіологія шамановъ отличается импульсивностью“,—говорить этотъ авторъ (op. cit. стр. 5). „Изучая шаманство, мы прежде всего наталкиваемся на цѣлую категорію мужчинъ и женщинъ, больныхъ нервной возбудимостью, порою явно иенормальныхъ или сумасшедшихъ“,—читаемъ мы дальше (стр. 6).—„Такъ Тѣрпине, одна изъ самыхъ сильныхъ шаманокъ, которую я имѣлъ случай встрѣтить въ чукотскихъ кочевьяхъ на верховьяхъ рѣки Сухого-Анюя, рассказывала мнѣ, что въ теченіе трехъ недѣль она была одержима безуміемъ... Во всякомъ случаѣ, при изученіи шаманства нельзя забывать, что эта форма религіи, созданная подборомъ людей наиболѣе нервно неустойчивыхъ“. Говоря, далѣе о періодѣ „шаманского искусства“ (стр. 14—15), авторъ сообщаетъ: „почти помимо сознанія и противъ воли все существо избранника подвергается странному болѣзенному превращенію. Весь этотъ процессъ для молодого шамана до чрезвычайности болѣзнь. Иные доходятъ до нервныхъ припадковъ, до эпилепсіи и до кровавого пота.... Чукчи разсматриваютъ подготовительный искусъ, какъ болѣзнь, а окончательное пріобрѣтеніе шаманского вдохновенія,—какъ выздоровленіе.... Въ послѣдующее время всякое приготовленіе шамана къ магическому сеансу разсматривается тоже, какъ болѣзнь, а самыи сеансы съ его громомъ и крикомъ—какъ выздоровленіе. И я неоднократно наблюдалъ съ удивленіемъ, что шаманъ или шаманка, послѣ долгихъ и трудныхъ упражненій, проявляли не усталость, а именно спокойствіе, какъ бы удовлетвореніе. Съ другой стороны, мнѣ извѣстны случаи, когда юноши, страдавшіе долговременной болѣзнью (большой частью—на нервной почвѣ), находили себѣ излѣченіе именно въ шаманскомъ вдохновеніи“.—

Послѣднія два наблюденія цитируемаго автора представляютъ особую цѣнность. Оказывается, именно, что шаманское дѣйствіе для нервно-больного субъекта является тѣмъ же, чѣмъ и рыданіе, наприм., для человѣка, впавшаго въ истерику. Ё

Конечно, имѣются данныя по интересующему насъ вопросу и о народности, которой посвященъ настоящій этюдъ. Привожу тѣ

изъ нихъ, которыми я могу воспользоваться при составленіи этого этюда.

Въ небольшомъ, но замѣчательномъ по построенію труда В. Ф. Троцанскаго („Эволюція Черной Вѣры у якутовъ“, Казань, 1902), мы встрѣчаемъ весьма немнога обѣ отношенія состоянія манарикъ къ состоянію шамана во время сеанса. Авторъ упоминаетъ (стр. 119) о манариктахъ халлан (небо съ манариками), какъ о мѣстѣ, где одинъ изъ сказочныхъ шамановъ получилъ свою голову. Далѣе,—въ редакціи якута, д-ра П. Н. Сокольникова,—у автора мы читаемъ:

„Якутскіе шаманы должны быть субъектами невропатическими, съ явной наклонностью къ истеро-эпилептическимъ припадкамъ. Съ умопомѣшательствомъ и всякаго рода болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ нервными припадками, у якута связано представление о духѣ абасы, которымъ человѣкъ одержимъ постоянно или временно,—а это приводить къ тому, что подобный человѣкъ, будучи въ интимныхъ отношеніяхъ съ духомъ, обладаетъ могуществомъ и специальными способностями“.

Далѣе, В. Ф. Троцанскій выражается еще болѣе определенно.—„Во время камланія настоящіе шаманы впадаютъ въ такое же состояніе, какъ и менерики, но только послѣдніе впадаютъ непроизвольно, хотя могутъходить въ это состояніе и произвольно“ (стр. 120).

Столь же категорически высказывается о предметѣ и другой авторъ, Ф. Я. Конъ („Физіологическая и біологическая данныя о якутахъ“, Минусинскъ, 1899). Онъ говоритъ (стр. 81): „эмпиряками являются зачастую потомки шамановъ и шаманокъ. Самыи шаманы (юн) и шаманки (удаган)—это несомнѣнно перво-бѣдные люди“. И авторъ приводить подробности о своей первой встрѣчѣ съ шаманомъ, до нѣкоторой степени подтверждающія его слова, а затѣмъ дѣлаетъ такое заключеніе: „самъ актъ камланія мнѣ представляется актомъ гипноза подъ влияніемъ аутосуггестіи.... Монотонный, однообразный звукъ бубна несомнѣнно приводить въ гипнотическое состояніе самого шамана, а отчасти всѣхъ присутствующихъ“ (loc. cit.).

Итакъ, мы видимъ, что всѣ наблюдатели шаманскихъ дѣйствій и психики шамановъ въ періодѣ времени почти за 200 лѣтъ (1715 г.—Новицкій въ 1900 г.—Троцанскій и Конъ

приходить къ выводу о глубокой связи, существующей между состояниемъ шамана во время сеанса и состояниемъ нервно-больныхъ людей—мэнэрік'овъ.

Слѣдовательно, мысль о возможности научнаго изученія состоянія мэнэрік'овъ, какъ одной изъ формъ проявленія истерического состоянія, для освѣщенія существа шаманскихъ дѣйствій, находитъ себѣ оправданіе не только въ личныхъ наблюденіяхъ каждого изъ насъ, этнографовъ, въ отдѣльности, но и въ литературѣ предмета.

Напомню въ заключеніе, что по мнѣнію извѣстнаго ученаго бурята, Дордже Банзарова („Черная вѣра или шаманство у монголовъ“, стр. 35), русское слово „шаманъ“ взято изъ манжурскаго саман, что означаетъ: „взволнованный, изстукленный, восторженный человѣкъ“.

Этимъ я и заканчиваю настоящую главу.

III.

Выше я указалъ уже, что ѿмурѣх'овъ вообще много,—что женщины почти поголовно ѿмурѣх'. Между прочимъ, В. Л. Сѣрошевскій говоритъ („Якуты“, 1.257), что „на сѣверѣ нѣтъ почти ни одной женщины, которая хоть въ слабой степени не была бы ѡмурякъ (тоже эмириякъ“)¹⁾.

Это обстоятельство,—въ особенности—въ связи съ заключеніемъ В. Л. Сѣрошевскаго,—требуетъ нѣкотораго вниманія.

Несомнѣнно, порѣзъ, ожогъ, шумъ и звукъ, рѣзко и внезапно поражающіе слухъ, внезапное и быстрое появленіе необычныхъ свѣтовыхъ эффектовъ, и т. п.— вызываетъ различную реакцію со стороны нервнаго аппарата въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей субъекта, подвергающагося эксперименту. Но еще болѣе, можетъ быть, значительнымъ оказывается различіе между виѣшимъ проявленіемъ этой реакціи у различныхъ субъектовъ. Беря самый обычный примѣръ, мы можемъ сказать, что

¹⁾ Обращаю вниманіе специалистовъ на правописаніе якутскихъ словъ упомиленаго автора. Поясненіемъ: „тоже эмириякъ“ опь какъ бы подчеркиваетъ правильность своей транскрипціи. Между тѣмъ, какъ эмурякъ, такъ и эмириякъ—одинаково, по ак. Böhtlingk'y, невѣрное изображеніе якутскихъ словъ.

одинъ субъектъ и не поморщится, сдѣлавъ себѣ очень глубокій порѣзъ на пальцѣ при очинкѣ карандаша,—въ то время какъ другой теряетъ способность вести серіозный разговоръ, до крови уковыть себѣ руку булавкой.

Но, во всякомъ случаѣ, надо признать всеобщимъ явленіемъ въ сферѣ духовной жизни человѣка подъ всѣми широтами и долготами земного шара, что человѣкъ извѣстнаго рода движеніями и восклицаніями (нѣкоторыя междометія) выражаетъ реакцію своей нервной системы на внезапно наступающія явленія виѣшняго міра. Всѣ мы способны „вскрикнуть“ при внезапно наступившемъ болевомъ ощущеніи,—всѣ мы „отскакиваемъ“ отъ внезапно появляющагося передъ нами необычайнаго предмета.

И бы не хотѣлъ пускаться въ рискованныя обобщенія. Но свидѣтельствованный научными изысканіями фактъ заключается въ томъ, что употребленіе „пословицъ“ и „поговорокъ“ находится въ обратномъ отношеніи съ духовнымъ развитіемъ народа вообще. Подобно этому, большая или меньшая общность употребленія тѣхъ или другихъ междометій также зависитъ отъ степени духовнаго развитія народа. Чѣмъ бѣднѣе духовный міръ его, тѣмъ ограниченнѣе и его лексиконъ— вообще,—тѣмъ менѣе изобразительности проявляетъ онъ въ словахъ и восклицаніяхъ, которыми пользуется для выраженія своихъ ощущеній,—въ частности.

Благодаря этому, въ извѣстномъ рядѣ случаевъ, когда человѣкъ выражаетъ междометіями свои ощущенія, на первый планъ выдвигается или выраженіе степени и характера этихъ ощущеній (болѣе культурный народъ), или же—способъ выраженія ихъ (менѣе культурный народъ). Европеецъ различными словами выражаетъ ощущеніе отъ ожога,—и тутъ рельефище вырисовывается реагированіе организма на данное болевое ощущеніе. Наоборотъ: представители мало-культурной расы обыкновенно выражаютъ свое ощущеніе отъ того или другого страданія однимъ и тѣмъ же междометіемъ,—и здѣсь мы поневолѣ фиксируемъ свое вниманіе на этомъ междометії.

Общее „междометіе удивленія, испуга“, по словарю Э. К. Некарскаго („Словарь Якутскаго языка“, изд. Императ. Академіи Наукъ, вып. II, столб. 322), въ якутскомъ языке—бабат. Но есть и выраженіе: „бабат!“ ді. —глаголь, который мож. „Этнограф. Обозр.“ Кн. LXXXVIII—LXXXIX.

но перевести такъ: сказать „б а б а т!“ Въ переносномъ смыслѣ это означаетъ „испугаться“, въ частности—„всполошиться“ (тамъ же, столб. 323). А „всполошный“, на областномъ нарѣчіи Якутскаго края, значитъ именно ѿ м ѿ р а х. Но въ моихъ „Якутскихъ Материалахъ“, копируемыхъ и систематизируемыхъ мною для Русского Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, я нахожу (III, запись ном. 92) свѣдѣніе, что выражение: „б а б а т!“ д і ё равнозначуще глаголу с о г у і, прямой смыслъ котораго—пугаться. А изъ этого слѣдуетъ, что сказать „б а б а т“ можетъ чего-нибудь испугавшися человѣкъ. Но б а б а тъ говорять именно ѿ м ѿ р а хъ,—какъ это видно, между прочимъ, и изъ приведеннааго мѣста въ Словарѣ Э. К. Пекарскаго,—какъ это извѣстно и каждому, наблюдавшему ѿ м ѿ р а хъовъ въ Якутской области.

Итакъ, вообще говоря, испугъ вызываетъ въ ѿ м ѿ р а хъ его болѣзненное состояніе. Въ то время, какъ испугавшися европеецъ можетъ десятью различными словами выразить свой испугъ, и притомъ—каждый на свой ладъ,—въ то же время якутъ и якутка выражаютъ его, въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ, выкрикиваніемъ одного и того же слова—б а б а т.

Наблюдая десятки и сотни случаевъ, когда якутъ находится во власти испуга, и замѣчая, что каждый разъ мы слышимъ изъ устъ якута слово б а б а т, мы начинаемъ склоняться къ мысли, что все эти якуты— ѿ м ѿ р а хъ.

Если, дѣйствительно, за признакъ болѣзненности принять проинесеніе слова б а б а т, то можно утверждать, что въ якуты и, въ особенности, якутки— ѿ м ѿ р а хъ. Но если принять въ соображеніе, что якуты подчиняются въ этомъ случаѣ лишь общей судьбѣ малокультурныхъ народовъ—однообразно выражать свои ощущенія, то картина получится иная.

Можно утверждать, что изъ числа якутовъ и якутокъ, вскрикивающихъ „б а б а т,“ многіе—просто испугавшися чего-либо субъекты, и только извѣстный процентъ приходится на долю первно-больныхъ¹⁾.

¹⁾ Но Schuyder'у (Berne), „истерическая состоянія берутъ свое начало, посредствомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ такъ называемомъ нормальномъ состояніи, и истерическая модификація психики сводится къ обостренію и извращенію психическихъ и психофизическихъ реакцій, свойственныхъ нормальному индивидууму“.—С. А. Сухановъ, оп. сіт., стр. 32.

Но здѣсь мы за то встрѣчаемъ другое, можетъ быть, гораздо болѣе важное указаніе на характеръ изучаемаго явленія. Пусть не всѣ пугающіеся, не всѣ вскрикивающіе „б а б а т“— ѿ м ѿ р а хъ: важнымъ представляется здѣсь то, что ѿ м ѿ р а хъ приходитъ въ свойственное ему состояніе подъ воздействиемъ испуга.

Первымъ шагомъ въ попыткѣ разобраться среди явленій, характеризующихъ болѣзненное состояніе ѿ м ѿ р а хъ, должно быть изученіе понятія, которое лежитъ въ словѣ „испугъ“ по отношенію къ изслѣдуемому циклу явленій.

Я замѣтилъ, выше, что русскій глаголь „бояться“, „испугаться“, „пугаться“ переводится якутскимъ глаголомъ с о г у і. Но въ упомянутыхъ уже моихъ „Якутскихъ Материалахъ“ я встрѣчу (III. 71) записи:

с о г у т к і н і—пострашай его! (наказаніемъ).
Ү Гәбітән с о г у і д у м—я подался отъ (усиленной) работы,—
і с і м т ы м н ы т а н с о г у і д а—мой желудокъ испортился отъ холода (я простудилъ себѣ желудокъ),—б а с ы м ы а л ц а р а т ы м н ы т а н с о г у і д а—у меня головная боль прошла отъ холода.—

Надо замѣтить, что буквальный смыслъ глагола с о г у т (cautivum отъ с о г у і)—пугать, испугать. Но все же въ первомъ выраженіи этотъ глагель лишь случайно переводится по русски глаголомъ, сроднымъ съ истиннымъ значеніемъ въ русскомъ языкѣ с о г у і: „пострашай“. На самомъ дѣлѣ въ якутскомъ языкѣ здѣсь рѣчь идетъ не о простой „острасти“, а о реальномъ воздействиѣ въ видѣ пинка, удара и т. п. Такимъ образомъ, даже въ болѣе близкомъ къ прямому смыслу значеніи глаголь с о г у і уже предполагаетъ дѣйствіе, направленное къ тому, чтобы непосредственно вызвать въ человѣкѣ чувство испуга. Какое же именно дѣйствіе?—Неожиданное экспериментирующее дѣйствіе.

Въ остальныхъ изъ приведенныхъ случаевъ глаголь с о г у і все больше и больше отдается въ сторону отъ прямого смысла. Оказывается, при этомъ, что проходить головная боль отъ того,

Почти того же взгляда придерживается женевецъ Старараде,—какъ это видно изъ его доклада на послѣднемъ (Амстердамскомъ) съѣзѣ врачей-неврологовъ. Онъ рассматриваетъ „истерическая проявленія,... какъ обостреніе нормальныхъ психо-физиологическихъ явленій“ (ibidem, стр. 35).

что она „испугалась“ холода,—что заболѣлъ желудокъ, будучи „испуганъ“ холодомъ,—что, наконецъ, усиленная работа „испугала“ организмъ человѣка и тѣмъ заставила послѣдняго похудѣть, осунуться.

Итакъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ sogu i совершенно точно переводится русскимъ „испугаться“. Но далѣе смыслъ этого понятія отклоняется отъ такого (можетъ быть, и прямого) своего значенія въ сторону: сдѣлать нѣчто помимо своей воли,—сдѣлать это подъ воздействиемъ внезапно наступившаго вліянія случайного и нѣшнаго характера.

Все это значеніе слова sogu i цѣликомъ отражается на случаяхъ, когда говорить объ ёмурѣхъ.

Чтобы ёмурѣхъ проявилъ свое болѣзненное состояніе,—для этого необходимо, чтобы онъ чего-нибудь „испугался“. Но здѣсь не требуется грома среди безоблачнаго неба. Если ёмурѣхъ поскользнется на кочки, переходя черезъ болото, то это уже достаточно для него поводъ, чтобы „испугаться“. Достаточно для этого также уколоться иглой,—обжечь себѣ палецъ, повертывая горшокъ у очага,—услышать умышленно отчетливо произнесенное слово „Витащевскій“,—и т. д.: во всѣхъ этихъ случаяхъ ёмурѣхъ „испугается“,—„испугается“ въ томъ смыслѣ, что произнесеть обычное „бабат“ или аналогичное ему выраженіе, а иногда и продѣлаетъ какое-нибудь другое дѣйствіе, на которое онъ вообще способенъ въ свойственномъ ему иенормальномъ состояніи.

Приведемъ въ нѣкоторую систему случаи проявленія болѣзни ёмурѣхъ.

Но я долженъ, наконецъ, сдѣлать маленькую оговорку.

Въ мѣстности, которую охватывали мои наблюденія, очень рѣдко приходится слышать „бабат“. Обычныя восклицанія ёмурѣхъ здѣсь — „бачахъ“, „басахъ“ и „багахъ“. О значеніи всѣхъ этихъ словъ мною будетъ сказано ниже. Здѣсь же я упоминаю объ этомъ потому, что мнѣ удобнѣе приводить соответствующія якутскія выраженія въ томъ именно видѣ, какъ они мною заносились въ записныя тетради,—а у меня, по указаннымъ выше обстоятельствамъ, всегда фигурируютъ только что приведенные слова, и ни разу не встрѣчается слово бабат. Чтобы не смущать читателя, я и дѣлаю здѣсь эту оговорку.

Мы уже знаемъ, что „сказать бабат“ равнозначуще „испугаться“. Если вы подкрадетесь сзади къ якуткѣ и схватите ее за руки, то она вскрикнетъ: „бачахъ“. Якутка „испугалась“ стѣ неожиданности вашего движенія и пришла въ состояніе ёмурѣхъ. Она прийдя въ себя, можетъ даже буквально сказать: „согуидум да гани“—я даже испугалась.

У меня записано по этому поводу весьма интересное наблюденіе („Якутскіе Матеріалы“, III. 145). Моя работница Стефания была испугана въ тотъ моментъ, когда собиралась чихнуть. Она чихнула,—но затѣмъ все же сказала: „бачахъ“. Такимъ образомъ, то состояніе, которое наблюдается у ёмурѣхъ, разряжается всегда произнесеніемъ опредѣленнаго слова или опредѣленнымъ дѣйствіемъ. Это—специфическое нервное зараженіе, которое побѣждается введеніемъ специфического противоядія.

Весьма важнымъ является здѣсь еще то обстоятельство, что довольно часто такая реакція: ёмурѣхъ въ первый моментъ зараженія говоритъ: „бачахъ“, но тутъ же прибавляется болѣе спокойнымъ тономъ нормального человѣка: „бачахъ дібіндааг, аы“—я сказалъ (или сказала) бачахъ. Это надо, повидимому, рассматривать, какъ констатированіе самимъ больнымъ факта, что онъ уже пришелъ въ нормальное состояніе. Послѣднее же обстоятельство очень важно въ глазахъ самого больного. Мы укажемъ ниже почему это такъ.

Мы говорили до сихъ поръ объ „испугѣ“ въ прямомъ смыслѣ слова. Но, какъ мы знаемъ, „испугаться“ можно и многаго другого. Въ ёмурѣхъ вызываетъ чувство испуга и уколъ булавкою пальца, напримѣръ.

Междометіе боли—аJa. Отсюда аJa бы и, аJa ка (или аJa кка) и аJa кка бы и.—Очевидно, аJa ка происходитъ отъ аJa пугемъ присоединенія суффикса кка, который „образуетъ уменьшительный и ласкательный“ (С. В. Ястрѣмскій. Грамматика якутскаго языка, Иркутскъ, 1900, стр. 51). Такъ, аг, акка-м значить: мой батюшка (аг, а—отецъ). Но возможно что въ этомъ мѣстѣ грамматика упомянутаго автора не полна,—а классическаго труда акад. Бетлинга у меня подъ руками нѣть. Во всякомъ случаѣ, аJa ка не совсѣмъ подходитъ подъ понятіе о „ласкательномъ“ и „уменьшительномъ“. Что касается суффикса бы и, то онъ не вызываетъ никакихъ сомнѣній: это—при-

знакъ 1-го лица ед. числа (См. еще Э. К. Пекарский, Словарь, вып. I, столб. 42 и 43).

Когда налицо—одно лишь ощущеніе боли, то экспериментируемый выкрикиваетъ только приведенные междометія,—въ той или другой ихъ комбинаціи. Но очень часты случаи, когда экспериментируемый „пугается“ того обстоятельства, что онъ внезапно ощутилъ боль. Въ этомъ случаѣ онъ приходитъ въ состояніе ѿмурѣхъ, и къ междометіямъ, выражавшимъ болевое ощущеніе, присоединяется обычное восклицаніе ѿмурѣхъ: бачахъ.

У меня есть запись („Якут. Мат.“, III. 144) такого содержанія: говорять „бачахъ“—и затѣмъ „а Якабын“, если дѣляющаяся боль; наоборотъ: если боль острая, но скоро прекращающаяся, то говорятъ „а Якабын“ и затѣмъ уже прибавляютъ „бачахъ“. Если мое обобщеніе точно выражаетъ действительность, то смыслъ описанного явленія понятенъ: когда субъектъ испытываетъ не сильную, но дѣляющуюся боль, то первымъ по времени импульсомъ для него является „испугъ“, и онъ приходитъ въ состояніе ѿмурѣхъ—сначала—и выражаетъ ощущеніе боли—затѣмъ;—когда же боль слишкомъ остра, то превалируетъ импульсъ болевого ощущенія, и первымъ субъектъ выражаетъ именно это ощущеніе а въ состояніе ѿмурѣхъ приходить уже вслѣдъ за тѣмъ,—какъ это я наблюдалъ въ случаѣ и съ моей работницей Стефаніей.

Мнѣ пришлось бы повторяться, если бы я, далѣе, остановился на болевомъ ощущеніи отъ ожога, выражаемомъ междометіемъ абытаі, такъ какъ у меня нѣть записей, которыхъ отѣняли бы съ какой-нибудь стороны этотъ случай. Здѣсь мнѣ удалось только записать тѣ же комбинаціи: абытаі ... бачахъ—съ одной стороны и бачахъ... абытаі—съ другой.

Есть еще случаи, когда ѿмурѣхъ приходятъ въ свойственное имъ болѣзненное состояніе подъ воздействиѳмъ своихъ ощущеній. Но я ограничиваюсь сказаннымъ, такъ какъ точныхъ записей у меня о другихъ случаяхъ нѣть.

Располагая извѣстные намъ случаи, когда якутъ или якутка приходитъ въ состояніе ѿмурѣхъ по степени проявленія этого состоянія, мы переходимъ теперь къ случаямъ вольнаго и невольнаго фиксированія вниманія экспериментируемаго на внезап-

но наступающихъ и поражающихъ его чувства явленіяхъ виѣшняго характера.

Въ юрту можетъ войти человѣкъ, котораго больной, при данныхъ обстоятельствахъ, никакъ не ожидалъ видѣть;—на дворѣ можетъ раздаться ревъ быка, когда скотина должна быть, по соображеніямъ больного, гдѣ-нибудь далеко въ лѣсу или на отдаленномъ „аласѣ“;—больной, роясь въ мѣшкахъ съ обрѣзками отъ звѣриныхъ шкурокъ, натыкается рукою на что-нибудь гладкое и холодное;—желая выпить глатокъ воды, онъ по ошибкѣ береть берестянную посуду съ „умданомъ“—смѣсью кислого молока съ водою. Въ этихъ случаяхъ неожиданно поражаются послѣдовательно его чувства—зрѣнія, слуха, осознанія и вкуса,—и всѣ они достаточный поводъ для больного „испугаться“ тѣмъ специфическимъ испугомъ, который вызываетъ въ немъ состояніе ѿмурѣхъ.

Неизбѣжно выкрикнуть „бачахъ“, онъ добавить при этомъ и фразу, соответствующую обстоятельствамъ. Такъ, если передъ нимъ вдругъ вырастаетъ фигура сосѣда, который два три дня тому назадъ уѣхалъ на мѣсяцъ въ отдаленное уроочище Оїмяконъ, то больной кричить: „бачахъ!... Букаллѣ!... Баран баран, каллѣ!... Того, каллін?... Тонун!...“ („бачахъ!.. Вотъ пришелъ... Уѣхавъ, пришелъ... Зачѣмъ пришелъ?—Возвращайся!“). И, постепенно приходя въ себя, онъ, столь же постепенно принимая свой обычный тонъ нормального человѣка, будеть продолжать: „Разсказывай, въ чёмъ дѣло. Почему ты не поѣхалъ? А если поѣхалъ, то почему вернулся“,—и т. д.

Въ зависимости отъ степени развитія въ субъектѣ болѣзни, а также—отъ силы впечатлѣнія, которое на больного производить явленіе, онъ можетъ не ограничиться одними выкриками, но сопровождать ихъ соотвѣтствующими жестами и даже—движеніями рѣшительнаго характера: въ описанномъ только что случаѣ можетъ изобразить, какъ человѣкъ этотъ єхалъ верхомъ,—какъ онъ теперь входилъ въ юрту,—можетъ, наконецъ, схватить его за плечи и стараться вытолкнуть за двери.

Вообще говоря, еще болѣе сильный эффектъ производить умышленное обращеніе вниманія больного на необычный предметъ. Возможно, что если бы самъ больной увидѣлъ то, на что обращается его вниманіе, то это и не вызвало бы въ немъ состоянія ѿмурѣхъ. Тутъ уже реакцію вызываетъ не самое явле-

ніе, а то обстоятельство, что обращено на него внимание большого. Такимъ образомъ, мы видимъ въ данномъ случаѣ шагъ впередъ по пути развитія болѣзненнаго состоянія.

Еще одинъ шагъ—и мы подходимъ къ случаюмъ, когда совершенно безразличное, съ точки зреянія самого ѿмурѣхъа, явленіе становится, въ рукахъ экспериментатора, орудіемъ для приведенія его въ болѣзненное состояніе.

Въ первый разъ я познакомился съ состояніемъ ѿмурѣхъа при такихъ обстоятельствахъ.—Въ юрту вошла пожилая женщина и вела съ хозяевами разговоръ дѣлового характера. Хозяинъ „настроилъ“ болѣнную обращеніемъ ко мнѣ: „посмотри-ка, Николай, на эту женщину“, и затѣмъ началъ махать руками: женщина автоматически повторяла движенія экспериментатора.

Въ другой разъ въ моемъ присутствіи проѣзжій якутскій казакъ началъ приводить въ состояніе ѿмурѣхъа болѣнную женщину умышленно, изъ желанія позабавиться. Онъ просто раздражалъ ее повтореніемъ нелѣпыхъ выражений, несообразныхъ движений. Женщина пришла, подъ конецъ этого возмутительного „сеанса“, въ полнѣйшее изступленіе. Она дошла до того, что швырнула въ казака бывшімъ у нея на рукахъ ребенкомъ, и послѣдній былъ спасенъ тѣмъ, что его подхватилъ мужъ болѣнной. Женщина же, освободившись отъ ребенка, обернулась назадъ и схватила топоръ. Ее едва успокоили.

Въ самомъ концѣ описываемаго ряда явленій состоится полное подчиненіе воли экспериментируемаго волѣ экспериментатора.

Отмѣтимъ тутъ прежде всего случай, сообщаемый В. Л. Сирошевскимъ („Якуты“, I, 257, примѣч., 3-е): „женщина, увидѣвъ медведя, вставшаго при видѣ людей на заднія лапы, пошла къ нему съ распострѣтыми объятіями“.

Далѣе: я могу крикнуть держащей въ рукахъ ложку женщинѣ: „ложку брось!“, —Вы рахтым! (я уже бросила)—отвѣтить она, быстро откидывая отъ себя въ сторону ложку.

Я могу, далѣе, приказать женщинѣ, страдающей въ сильной степени описываемою болѣзнью, послѣдовательно: „ложись“, „растегнись“, „не шевелись“, —и т. д., —вплоть до того, что она окажется въ моей власти.

Такова скала, по которой располагаются болѣзненные припадки ѿмурѣхъовъ.

Есть случаи, когда съ трудомъ можно провести границу между мелкими „невольными“ движениемъ европейца или выраженіемъ болевого ощущенія—съ одной стороны и проявленіемъ болѣзни ѿмурѣхъа—съ другой.

Имѣется, далѣе, рядъ случаевъ, когда болевое ощущеніе или неожиданное раздраженіе одного изъ вышеупомянутыхъ чувствъ человѣка вызываетъ явственное проявленіе этого болѣзненнаго состоянія.

Далѣе слѣдуютъ случаи, когда само по себѣ незначащее явленіе вызываетъ въ больномъ его специфическое болѣзненное состояніе только потому, что на немъ умышленно, съ цѣлью вызывать это состояніе, экспериментаторъ фиксируетъ вниманіе больного.

Наконецъ, есть и случаи полнаго подчиненія воли больного волѣ экспериментатора,—вплоть до того, что человѣкъ расстаетъ свои объятія медведю или женщина отдается мужчинѣ.

Въ области гипнотическихъ явлений дальше этого итти, кажется, некуда.

III.

Миѣ осталось сообщить тѣ немногія данныя, которыя у меня имѣются о состояніи ѿмурѣхъовъ у русскихъ якутіи.

Первая запись о предметѣ сдѣлана мною со словъ И. Школо-скаго, автора „Очерковъ крайняго сѣверо-востока“. Я долженъ оговориться, что показанія этого публициста требуютъ каждый разъ тщательной проверки. Считаю нужнымъ привести здѣсь запись потому, что въ его „Очеркахъ“ я соотвѣтствующаго мѣста не нахожу (другихъ статей его о Якутскомъ краѣ у меня подъ руками нѣть).

Вотъ эта запись (мои „Якутскіе Материалы“, на которые я ссылался и раньше, III, 146):

„Въ Колымскомъ населеніи, среди русскихъ, нервность развита въ высшей степени. Этимъ объясняется беспокойность сна. При эмиграции наблюдается моментальное ослабленіе воли, которое вполнѣ сознается субъектомъ, но противъ которого онъ не можетъ бороться, хотя и обнаруживается къ тому мучительное стремленіе.—Въ моментъ испуга (который можетъ наступить даже при повышеніи голоса говорящимъ, при измѣненіи интонаціи и при произнесеніи необычныхъ звуковыхъ сочетаній,—наприм., при

произнесении иностранного слова,—наконецъ, при необычайномъ неожиданномъ движениі присутствующаго) больной не только теряетъ способность производить волевое дѣйствие, но и приходить въ состояніе подражательности: 1) онъ повторяетъ послѣднее произнесенное присутствующимъ слово, при чмъ тутъ же прибавляетъ: „а б а с . . .“ (т. е., название женского полового органа поякутски и тутъ же—порусски то же название); но при этомъ никогда не наблюдалось продолженіе (логическое) мысли говорящаго (какъ это мы наблюдаемъ у якутовъ; не являются ли въ этомъ пунктахъ наблюденія автора неполными?);—2) онъ подражаетъ движеніямъ экспериментатора—до тѣхъ поръ, пока продолжаются эти движенія (въ одномъ случаѣ пришлось приводить больную въ чувство обливаніемъ холодной водою);—3) разъ испугавшись очковъ, какъ необычнаго предмета, больная не могла выносить равнодушно вида очковъ даже тогда, когда они спокойно лежали на столѣ; повернувшись къ нимъ спиной, больная какъ бы болѣзненно испытывала все-таки присутствіе за спиной этого предмета.—Не было замѣчено, чтобы больная давала логически вѣрныя реплики, вызываемыя исключительно ея состояніемъ, но не оправдываемыя реальными обстоятельствами,—какъ это часто случалось съ Батаковой, моей сосѣдкой по Отохту (хотя и это относится, можетъ быть, къ неполнотѣ наблюденій Шкловскаго).—На стукъ, произведенный нечаянно самою больною, она реагировала такъ же, какъ и на стукъ, произведенный другими“.

Въ дополненіе къ этому привожу свою запись изъ личныхъ наблюденій въ Якутскомъ округѣ надъ русскими („Якутскіе Материалы“, III. 148):

„Среди русскихъ Якутского округа также встречаются ѿмурѣи, —какъ среди женщинъ, такъ и среди мужчинъ. Нѣкоторые привезли съ собою эту болѣзнь съ Сѣвера. Но въ одномъ извѣстномъ миѣ случаѣ незначительная степень болѣзnenности проявилась у женщины, никогда не бывавшей на Сѣверѣ. Это—жена полицейскаго чиновника, Л. А-ва. — Однажды я находился въ обществѣ А-вой и жены священника, г-жи К-ной. Былъ вечеръ, и комната освѣщалась одной свѣчей. Закуривая папиросу о пламя свѣчи, я по неосторожности загасилъ послѣднюю,—и черезъ мгновеніе, среди воцарившейся тишины, я услышалъ молодой и даже красивый голосъ А-вой, которая отчетливо, съ переходомъ отъ при-

мы на кварту, произнесла русское вульгарное название женского полового органа. Какъ А-ва, такъ и К-на принадлежали къ культурному слою общества г. Якутска, и я былъ не мало смущенъ. Наоборотъ, хотя дамамъ было, дѣйствительно, немного неловко, но ничего необычнаго онѣ, очевидно, въ происшедшемъ не находили, такъ что когда свѣча была вновь зажжена, то нашъ разговоръ продолжался въ прерванномъ тонѣ, какъ будто ничего особенного и не произошло“.

По памяти могу теперь еще добавить, что та же особа, въ качествѣ русскаго ѿмурѣха, часто произносила въ соотвѣтствующихъ случаяхъ: „о, мать!“, и когда я однажды обратилъ на это ея вниманіе, то она сказала: „погодите, я еще и не то могу произнести“—очевидный намекъ на то, что она можетъ повторить и слово, произнесенное ею въ моментъ, когда, нѣсколько времени передъ тѣмъ, я неумышленно и неожиданно для нея погасилъ свѣчу.

IV.

Я перехожу теперь къ тѣмъ немногимъ общимъ замѣчаніямъ объ описываемомъ циклѣ явлений, которыхъ я,—этнографъ, но отнюдь не неврологъ,—рѣшаюсь здѣсь высказать.

На первый планъ нужно поставить соображенія о родствѣ этихъ явлений съ явленіями гипноза. Я какъ разъ именно этимъ закончилъ II-ю главу.

Дѣйствительно, по существу съ первого взгляда кажется, что эти явленія чуть ли не идентичны. Но чрезвычайной важности различиемъ представляется намъ то обстоятельство, что для приведенія человѣка въ состояніе „гипноза“ требуется извѣстный промежутокъ времени, иногда—весьма продолжительный;—что, затѣмъ, экспериментируемый иногда не поддается дѣйствію гипноза, несмотря ни на какія усиленія гипнотизера,—и въ то же время ѿмурѣхъ подчиняется воздействию мгновенно и притомъ—при всякихъ условіяхъ. Съ другой стороны, въ гипнотическомъ состояніи экспериментируемый находится болѣе или менѣе продолжительное время и приходитъ въ себя иногда не безъ серьезнѣйшихъ усилий со стороны не экспериментатора даже, но и врача,—въ то время какъ ѿмурѣхъ находится въ присущемъ ему бо-

лѣзенномъ состояніи мгновенія и не только не требуетъ для приведенія себя въ нормальное состояніе посторонней помощи, но самъ употребляетъ всѣ свои усилия, чтобы поскорѣе прійти въ себя.

Какъ не-специалистъ, я не могу сказать, чтобы эти обстоятельства дѣлали состояніе гипноза и состояніе Ѳмурѣх'а глубоко различными по существу. Но позолительно, во всякомъ случаѣ, сдѣлать отсюда выводъ, что гипнотическое состояніе и состояніе Ѳмурѣх'а представляютъ собой чрезвычайно различные виды одного и того же рода ненормального состоянія,—если даже и было бы признано специалистами, что по существу эти состоянія принадлежатъ къ одному роду ненормальностей въ области человѣческой психики¹⁾.

Излишне, далѣе, было бы говорить, что этого рода ненормальности вообще находятъ въ психо-физической организаціи якутовъ благодарную почву для своего развитія.

Якуты, въ періодѣ ранняго дѣтства и до глубокой старости, отличаются крайнею нервностью. Якутскія дѣти,—«капризы», женщины—вздорны, мужчины—раздражительны, старики и старухи—ворчливы, и все это—въ гораздо большей степени, нежели то мы наблюдаемъ у болѣе культурныхъ народовъ. Сонъ якутовъ всѣхъ возрастовъ и состояній чрезвычайно беспокойный. Какъ и всѣ мало культурные люди, якуты отличаются крайнимъ непостоянствомъ, крайнимъ отсутствіемъ выдержки, крайнею нетерпимостью къ чужому мнѣнію и въ сильной степени—крайнимъ отсутствіемъ терпѣнія.

Конечно, ближайшія причины этого явленія чрезвычайно разнообразны. Между прочимъ, не послѣднюю роль здѣсь играетъ беспорядочность въ принятіи пищи. Якутьѣ есть всего два раза въ день,—утромъ и поздно вечеромъ. Онъ ложится спать, такимъ образомъ, съ плотно набитымъ желудкомъ. Это вызываетъ не-правильность въ отправлѣніи функций желудка,—что ведеть за собою, въ свою очередь, «беспокойность» сна и дурное «настроение» духа во время бодрствованія.

Въ частности на женщинъ вліяетъ, какъ можно думать, верховая ѻза съ ранняго дѣтства, которая приводить къ ненор-

¹⁾ Ср. С. А. Сухановъ, оп. cit., 30.

мальностямъ въ области ихъ половой сферы и, отраженнымъ образомъ,—къ ненормальностямъ въ области ихъ психической жизни¹⁾.

Д-ръ Штейнбергъ („Кликушество и его судебно-медицинское значеніе“ въ Арх. Медицины, 1870 г., ном. 2) одною изъ причинъ развитія „кликушества“,—состоянія русскихъ, близкаго къ состоянію якутскихъ манариковъ,—считаетъ однообразіе (сѣверной) природы и обособленность жизни людей (на Сѣверѣ, гдѣ именно и наблюдалась особое развитіе „кликушества“). Сильнымъ подтвержденіемъ этому взгляду служить наблюденіе П. Рябкова („Полярная страна Сибири“, въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ за 1887-й г.), который говоритъ, что проявленіе болѣзеннаго состоянія у Ѳмурѣх'овъ на крайнемъ Сѣверѣ усиливается съ наступленіемъ полярной ночи, лѣтомъ же—ослабеваетъ. Русскимъ читателямъ хорошо известно, что одинъ изъ талантливыхъ русскихъ публицистовъ, Н. К. Михайловскій, посвятилъ циклъ статей, въ которыхъ такое именно объясненіе явленіямъ, которымъ сродны съ описываемыми въ настоящемъ этюдѣ, приводилъ въ связь со своимъ учениемъ объ „индивидуальности“ и со своею формулой прогресса.

Но тутъ выступаютъ на сцену факты, которые во всякомъ случаѣ должны быть приняты въ соображеніе.

Съ одной стороны, „кликушество“ распространено далеко за предѣлами мѣстностей земного шара, гдѣ царитъ „однообразіе“ природы и гдѣ жизнь людей отличается „обособленностью“. Такова, наприм., Центральная Россія. Историческимъ является и фактъ, что известный свящ. Иоаннъ Сергиевскій („Кронштадтскій“) стяжалъ себѣ славу и богатство своею способностью изгонять „бѣсовъ“ изъ кликушъ. По его стопамъ,—и съ значительнымъ моральнымъ и материальнымъ успѣхомъ,—идетъ свящ. Атаманскій въ полной разнообразія жизни Одесскѣ. Итакъ, поскольку однообразіе природы и обособленность жизни даютъ достаточный матеріалъ якутскимъ шаманамъ и манарикамъ, постольку же богатство природы юга Россіи и оживленное общеніе между собою жителей большихъ городовъ Россіи доставляютъ матеріалъ для недостаточно культурныхъ служителей одной изъ христіанскихъ

¹⁾ Ср. В. Л. Сѣрошевскій, Якуты, I. 258;—А. А. Ивановскій, Монголы-Торгоуты, стр. 20—21.

церквой¹⁾). Въ параллель съ этимъ можно поставить еще и „чудеса“, наблюдаемыя у иконы Лурдской Богоматери.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что если изъ множества миллиардовъ лицъ, которыхъ были въ историческое время заняты профессией солдата на всемъ земномъ шарѣ, всего лишь 14 индивидуумовъ Забайкалья и нѣсколько человѣкъ якутскихъ казаковъ проявили симптомы заболѣванія маніей подражанія, то ясно, что специфическая условія жизни солдатъ здѣсь не играютъ рѣшающей роли.

Съ другой стороны, извѣстно не мало положеній, гдѣ люди живутъ при необычайной обособленности и при сильномъ однообразіи виѣшихъ условій, но гдѣ до сихъ поръ не наблюдалось случаевъ проявленія состоянія, аналогичнаго состоянію ѿмурѣхъ. Таковы наприм., условія жизни моряковъ въ дальнихъ плаваніяхъ; —условія жизни заключенныхъ въ одиночныхъ тюрьмахъ; —жизни участниковъ далекихъ экспедицій, промышленныхъ и научныхъ, въ которыхъ бываетъ не мало лицъ, которыхъ могли бы легко поддаться, въ указанномъ смыслѣ, дѣйствію гипноза со стороны окружающей обстановки.

Наконецъ, въ весьма сильной степени подрываетъ силу сообщеній д-ра Штейнберга то обстоятельство, что цѣлое племя, живущее по сосѣдству съ якутами въ условіяхъ полнѣйшаго однообразія природы и обособленности людей,—почти не знаетъ этой формы заболѣванія. Я говорю о чукчахъ. Конечно, заполярные страны, гдѣ кочуютъ чукчи, отличаются въ нѣсколько разъ большімъ однообразіемъ, чѣмъ это мы наблюдаемъ по отношенію къ части Азіи, сплошь занятой якутами; конечно, оленеводство, рыбная ловля и охота, возможность встрѣчаться не только съ иноплеменниками, но и съ кровными родичами всего одинъ или два раза въ годъ не дѣлаютъ менѣе обососленною жизнь чукчей по сравненію съ жизнью якутовъ, среди которыхъ живеть не мало русскихъ (священники и причть, учителя, врачи, ссыльные), къ услугамъ которыхъ,—большія до извѣстной степени технически оборудованныя дороги, дающія имъ возможность сноситься съ обитателями отдаленныхъ улусовъ, посѣщать города, золотые приски, базары и ярмарки по нѣсколько разъ въ годъ. И, не-

¹⁾ О распространенности у наскѣ участія служителей алтаря въ изгнаніи „бесовъ“ говорить и С. А. Сухановъ (op. cit.).

смотря на это, вотъ что мы читаемъ у наблюдателя чукотскаго племени: „Чукчи представляютъ племя, свободное отъ первыхъ болѣзней: чукотскія женщины, напр., совсѣмъ не поддаются особой формѣ истеріи—меряченія“ (В. Г. Богоразъ. Краткій отчетъ объ исследованіи чукочъ Колымскаго края въ Извѣстіяхъ Вост.-Сибирск. Отд. И. Р. Географ. Общества т. XXX, вып. 1-й).

Можетъ быть, эти и другія аналогичныя обстоятельства заставятъ специалистовъ пересмотрѣть объясненіе данныхъ явлений, предлагаемое д-ромъ Штейнбергомъ. Можетъ быть, здѣсь повторится то, что имѣло мѣсто по отношенію къ проказѣ, напримѣръ. Правда, есть мѣстности, отличающіяся очень своеобразными особенностями климата, почвы и т. д.,—и въ то же время дающія очень большой процентъ больныхъ проказою. Но если на ряду съ знаменитымъ Вилюйскимъ округомъ Якутской области мы встрѣчаемъ прокаженныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Херсонской и Харьковской губерніяхъ, то ясно, что ни исключительное питаніе рыбью населенія пораженныхъ проказою улусовъ Вилюйского округа, ни особья свойства болота послѣдняго не могутъ считаться единственнымъ источникомъ зараженія этой болѣзнью. Причины заболѣваемости проказою глубже,—точно также, глубже однообразія впечатлѣній и причины заболѣванія ѿмурѣхъ.

Возможно, что тѣ (охотно признаю, весьма немногочисленныя) новые данные объ описываемомъ явлѣніи, которыхъ мнѣ удалось собрать въ настоящей статьѣ, помогутъ, до нѣкоторой степени, специалистамъ ориентироваться. Во всякомъ случаѣ, я особенное вниманіе обращаю на обстоятельства, о которыхъ сейчасъ буду говорить.

Мнѣ приходилось уже нѣсколько разъ вскользь упоминать о томъ, что ѿмурѣхъ старается избавиться отъ состоянія, въ которомъ онъ находится во время припадка. Намѣнѣніе характеризуетъ состояніе ѿмурѣха такъ: сознаніе у него не нарушено: сознаніе безполезности и даже, въ соответствующихъ случаяхъ, вреда своихъ дѣйствій въ немъ на лицо,—но онъ не въ силахъ бороться съ болѣзненнымъ желаніемъ—все же выполнить эти дѣйствія. Это недостаточно полно съ указываемой именно стороны: не только сознаетъ ѿмурѣхъ безполезность или вредъ

своихъ дѣйствій, а иногда и то обстоятельство, что своими дѣйствіями онъ вызываетъ глумленіе надъ нимъ со стороны окружающихъ, но при этомъ онъ еще старается такъ или иначе сгладить впечатлѣніе отъ этихъ дѣйствій,—дѣлаетъ видъ, что онъ не такъ поддался вліянію, какъ это можетъ показаться окружающимъ,—наконецъ (и это самое главное), себя самого считаетъ нужнымъ успокоить на этотъ счетъ.

Тутъ приходится наблюдать явленія въ такой скѣлѣ.—Мы уже знаемъ, что, сказавъ: „бачахъ!“, ѿмурѣхъ нерѣдко прибавляетъ: „бачахъ дібін да ганы“—я такъ испугалась, что сказала „бачахъ“. Эти слова произносятся уже въ состояніи большаго или меньшаго успокоенія послѣ припадка. И я могу ихъ толковать, какъ констатированіе больнымъ, для себя и для окружающихъ, того факта, что вліяніе не оказалось сильнаго дѣйствія на больного,—что онъ пришелъ уже въ нормальное состояніе.—Дальнѣйшую стадію въ развитіи того же явленія мы наблюдаемъ въ томъ, напримѣръ, что больной старается какъ бы устранить явленіе, вызвавшее въ немъ состояніе ѿмурѣхъ. Такъ, въ гипотетическомъ случаѣ (приведенномъ выше), когда больной выталкивается изъ юргы внезапно появившагося человѣка, котораго онъ считалъ уѣхавшимъ наканунѣ въ далекій путь, я усматриваю болѣзненное желаніе—видѣть этого человѣка Ѱдущимъ въ этотъ моментъ верхомъ на конѣ куда-нибудь на Оймяконъ, напримѣръ, или въ Колымскъ.—Мы наблюдаемъ, затѣмъ, тотчасъ же послѣ перехода въ нормальное состояніе, просьбу ѿмурѣхъ—не приводить его въ болѣзненное состояніе, такъ какъ это его раздражаетъ. Больной просить, а затѣмъ—и умоляетъ („артасабын!“),—оставить его въ покоѣ, не пользоваться его болѣзненностью, дать ему возможность говорить о дѣлѣ или заниматься своимъ дѣломъ.—Наконецъ, въ случаѣ настойчивости со стороны экспериментатора и особенно сильной раздраженности больного, послѣдній можетъ прійти въ изступленіе,—подобно тому, какъ мы это видѣли въ описанномъ мною выше случаѣ съ казакомъ и якуткой, при чёмъ дѣло можетъ дойти до убийства или самоубийства въ состояніи невмѣняемости.

Такова скѣла, по которой развивается явленіе,—и она заслуживаетъ, на мой взглядъ, особаго вниманія будущихъ изслѣдователей состоянія ѿмурѣхъ.

Другое обстоятельство, на которомъ я также хотѣлъ бы фиксировать вниманіе послѣднихъ, заключается въ слѣдующемъ.

Какъ я упоминалъ уже, въ мѣстности, которая входила въ районъ моихъ наблюденій, ѿмурѣхъ выкрикиваютъ: бачахъ, басахъ (бахахъ) или ба гахъ. Первое слово, по Словарю Э. К. Пекарскаго (вып. II, столб. 414)—„восклицаніе испуга“. Второе слово, въ первомъ своемъ значеніи переводится „дѣтгородный удъ“, каковое значеніе черезъ значение „наконечникъ стрѣлы“, переходить въ „восклицаніе испуга“.. Наконецъ, ба гахъ значить, между прочимъ, „мачта“, „столбъ“ и т. п.

Пусть компетентные въ лингвистикѣ люди рѣшать вопросъ, можетъ ли быть бачахъ сведено къ басахъ. Но, во всякомъ случаѣ, знаменательнымъ является тотъ фактъ, что въ одномъ изъ трехъ „восклицаній ѿмурѣхъ“ (по изложеннымъ выше основаніямъ я предполагаю употребить это выраженіе, а не выраженіе „восклицаніе испуга“) якуты и якутки пользуются названіемъ полового органа (мужскаго). Что касается употребленія при этомъ и слова ба гахъ, то это можетъ быть объяснено фактомъ пріобрѣтенія мужскимъ половымъ органомъ (въ состояніи напряженія) признаковъ „мачты“ и „столба“. И такъ, во всякомъ случаѣ, можно констатировать, что какія-то обстоятельства заставляютъ ѿмурѣхъ, въ моментъ перехода въ состояніе ѿмурѣхъ, вспоминать о мужскомъ половомъ органѣ, и при томъ—въ напряженномъ состояніи послѣдняго.

Это обстоятельство получить въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе, если мы вспомнимъ, что татарки въ соответствующихъ случаяхъ употребляютъ слово пѣтѣхъ,—какъ мнѣ объяснили: название женскаго полового органа, (я говорю о татаркахъ, которыхъ я наблюдалъ въ Иркутской области),—и что русскіе въ аналогичныхъ случаяхъ (какъ это мною указано выше) также употребляютъ название женскаго полового органа.

Такимъ образомъ, мы можемъ сдѣлать обобщеніе: въ однихъ случаяхъ—название мужскаго полового органа, въ другихъ название того же органа въ особомъ его состояніи, въ третьихъ—название женскаго полового органа, но все же название иолового органа фигурируетъ во всѣхъ (извѣстныхъ мнѣ, по крайней мѣрѣ) восклицаніяхъ ѿмурѣхъ.

Вотъ второе обстоятельство, на которое, какъ мнѣ кажется, рано или поздно должны обратить вниманіе изслѣдователи состоянія ємурѣх'овъ, вооруженные всѣми данными науки о психической жизни человѣка.

Я остановлюсь еще на нѣкоторыхъ обобщеніяхъ, къ которымъ приходитъ, при настоящемъ положеніи естественно-историческихъ знаній, наука о психической жизни человѣка вообще.

Въ монографіи д-ра С. А. Суханова, на которую я много разъ уже ссылался, сдѣлана сводка современныхъ взглядовъ первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ на сущность истеріи. Мы выберемъ изъ этого материала то, что можетъ интересовать этнографовъ.

Женевецъ Слагеде, въ своемъ докладѣ Амстердамскому Международному Съезду Неврологовъ, становясь на точку зрѣнія біологии, обращаетъ вниманіе на необходимость разсматривать человѣческий организмъ (а, слѣдовательно,—и нервную организацію человѣка), какъ результатъ развитія тѣхъ явлений нервной жизни, которыя мы наблюдаемъ въ мірѣ животныхъ. Между прочимъ въ кожныхъ истерическихъ разстройствахъ у человѣка цитируемый ученый видѣтъ ту именно деформированную реакцію со стороны кожи, которая такъ распространена въ животномъ царствѣ на различныхъ ступеняхъ зоологической лѣстницы. Тоже—относительно *globus hystericus*. На этомъ основаніи Слагеде разсматриваетъ истерическую симптомы, какъ защитительная реакція, имѣющія, въ проявленіяхъ жизни современного человѣка, характеръrudиментовъ. С. А. Сухановъ, присоединяясь къ этому взгляду, развиваетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ (стр. 22):

—„Во время сомнамбулическаго состоянія человѣкъ, оставаясь спящимъ, можетъ совершать не только рядъ болѣе или менѣе сложныхъ дѣйствій, но и обнаруживаетъ при этомъ такую ловкость передвиженія, такое искусство совершать опасныя и рискованныя дѣйствія, какое ему вовсе не свойственно тогда, когда сознаніе его бодрствуетъ...; очевидно, въ насы скрыты эти курьезные психические аппараты, эти механизмы низшаго порядка, которые оказались излишними послѣ того, какъ человѣкъ постепенно переходитъ изъ дикаго состоянія къ культурному образу жизни, когда высшая психическая дѣятельность стала все больше и больше выдвигаться на первое мѣсто“.—

Того же взгляда на проявленія истеріи (т.-е. какъ наrudименты) придерживается, далѣе, Pierre Jannet и даже знаменитый Мечниковъ (С. А. Сухановъ, ор. cit., 41).

Отсюда—одинъ шагъ къ признанію инфантильного характера за проявленіями истеріи.

Каждому изъ повседневной практики известно, что истерики проявляютъ дѣтское непостоянство, дѣтскую привередливость, чисто дѣтскую способность переходить отъ состоянія угнетенія къ состоянію возбужденія, дѣтскую нетерпимость. Бернскій ученый Schneider дѣлаетъ это исходнымъ пунктомъ своихъ заключеній и приходитъ къ выводу, что въ дѣтской психикѣ существуютъ основные черты истерического свойства и что можно даже говорить о „физиологической“ истеріи дѣтского возраста. Но то, что у дѣтей является, своего рода, явленіемъ „нормальнымъ“,—то во взросломъ указываетъ на возвращеніе къ инфантальному состоянію или недоразвитіе до состоянія взрослого.

Я позволю себѣ еще сообщить здѣсь, что Grasset (Montpellier) исходнымъ пунктомъ для своей теоріи неуротерапіи дѣлаетъ известное положеніе о разделеніи психическихъ функций на низшія и высшія,—сознательныя и безсознательныя,—при чёмъ указывается на тотъ фактъ, что при нормальномъ состояніи въ человѣкѣ эти функции находятся во взаимодѣйствіи, онѣ переплетаются между собой, въ известномъ смыслѣ проявленія ихъ координируются. Но какъ только субъектъ переходитъ въ состояніе сна, гипноза или сомнамбулизма, а также при разсѣянномъ вниманіи,—готчасъ эти функции подвергаются диссоциації: функционированіе происходитъ изолированно,—низшіе психические акты протекаютъ въ контролѣ высшихъ, а высшіе—въ контролѣ низшихъ.

Конечно, не мы, этнографы, а лишь специалисты-неврологи могутъ пролить надлежащій свѣтъ на занимающія насъ въ наслѣдственной статьѣ явленія. Но мнѣ казалось, что и регистратору этнографическихъ данныхъ далеко не безполезно, во время процесса наблюденія, принимать въ соображеніе данные и теоріи знаній, близко соприкасающимися съ изслѣдуемыми явленіями.

Вотъ этимъ то и продиктовано мнѣ желаніе въ краткомъ очеркѣ сообщить здѣсь, въ мірѣ моей подготовленности, новѣйшая

данныя неврології, разъ я затронулъ вопросъ о психонейрозахъ, какъ данныхъ этнографії.

И исчерпалъ бывшій въ моемъ распоряженіи матеріалъ. Въ заключеніе да позволено мнѣ будеть сказать два слова про domo nostra.

На протяженіи этой статьи мнѣ неоднократно приходилось дѣлать посильный анализъ значенія якутскихъ словъ. Конечно, первымъ движениемъ въ этихъ случаихъ для каждого является—заглянуть въ колоссальный трудъ Э. К. Пекарскаго,—въ его „Словарь якутского языка“. На этотъ разъ для меня это оказалось всю ту пользу, которой можно ожидать. Но это объясняется лишь тѣмъ, что случайно мнѣ приходилось справляться о значеніи словъ, начинающихся буквами *A, B*. Къ сожалѣнію, этого не случилось бы, если бы необходимо было проанализовать слова, начинающіяся другими буквами: до сихъ поръ, въ двухъ вышедшихъ выпускахъ, на 640 столбцахъ Словаря, дѣло доведено до слова быстыа.

Пожелаемъ же, въ интересахъ всѣхъ, кто занимается этнографіей въ широкомъ смыслѣ слова вообще и этнографіей якутовъ въ частности,—чтобы выходъ въ свѣтъ труда Э. К. Пекарскаго подвигался впередъ немнога быстрѣе.

Н. Виташевский.

Май, 1911. Одесса.

Редедя на Кавказѣ.

Въ своей „Исторіи Адыгскаго народа“ (Тифл. 1861), Шора-Бакмурзинъ-Ногмовъ, сообщаетъ преданіе о войнѣ черкесовъ съ Тамтаракайскимъ ханомъ. Черкесы (кяхи и хагаки) подъ предводительствомъ князя Идара идутъ завоевывать Тамтаракайское ханство. Когда войска тамтаракайцевъ и черкесовъ встрѣтились, изъ войска Идара вышелъ великанъ Редедя, известный своей невѣроятной силой, и предложилъ рѣшить участъ войны единоборствомъ. Противъ него вышелъ самъ „князь Тамтаракайскій“. Началась борьба, кончившаяся тѣмъ, что „Редедя падъ пораженный ножомъ князя... и адыги вернулись въ отчество“. Сила этого Редеди была настолько велика, что современники прославили ее пѣсней:

„Оу Ріаде, оу Ріаде маҳо, ореда!

„Оу Ріаде маҳо!“

Ногмовъ переводить эту пѣснь такъ: „О, Редедя, многосчастливый Редедя“.

Л. Г. Лопатинскій, заинтересовавшись этимъ разсказомъ Ногмова, стала усиленно наводить справки о томъ, нѣть ли у современныхъ черкесовъ еще вариантовъ этого преданія. Всѣ поиски его оказались тщетными. „Я, съ своей стороны“, пишетъ онъ,¹⁾ „дѣлаю попытку записать его (это преданіе) въ мою поездку въ Кармово, родной ауль Шоры Ногмова, но повидимому оно тамъ уже забыто; слышать же я только припѣвъ къ свадебной пѣснѣ: „оу Ріаде, оу Ріаде маҳо!!! По порученію Л. Г. Лопатинскаго розыскиваниемъ вариантовъ Ногмовскаго разсказа занялись иѣсколько кабардинцевъ, въ томъ числѣ сынъ самого Шоры Ногмова, Урустамъ Ногмовъ, который ничего подходящаго не нашелъ.

Однако, другой кабардинецъ, воспитанникъ закавказской учительской Семинаріи Шаго Тамбіевъ, оказался болѣе счастливымъ въ своихъ поискахъ. Въ томъ же XII-мъ выпускѣ „Сборника ма-

¹⁾ Сб. Мат. для Оп. Мѣстн. и Плем. Кавк. XII отд. I стр. 9—10.